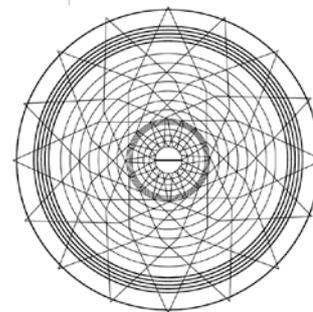

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНСЕНСУСЫ/ДИССЕНСУСЫ В РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Кирия И.В.

к.ф.н., Ph.D., профессор, Национальный
Исследовательский Университет «Высшая Школа
Экономики» (Москва)

ikiria@hse.ru

Логунова О.С.

к.с.н., доцент, Национальный Исследовательский
Университет «Высшая Школа Экономики» (Москва)

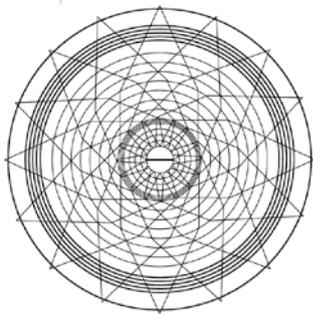
ologunova@hse.ru

Аннотация:

Данная статья рассматривает специфику взаимосвязей различных российских политических сил в новостном телевизионном эфире в период протестной активности 2011-2012 гг. Это позволяет судить о том, каким образом преимущественно контролируемые государством телевизионные каналы репрезентировали политические силы и обостряли консенсусы/диссенсусы между ними. Используя метод сетевого анализа, статья создает и анализирует структуру сетей персонажей, фигурирующих в российской политике, репрезентируемой новостным телевидением. Ключевой вывод, сделанный авторами, состоит в том, что на протяжении думской выборной кампании 2011 и президентской кампании 2012 гг. массовые протестные оппозиционные митинги спровоцировали контролируемое государством телевидение на розыгрыш «правой карты», то есть на репрезентацию почти всех существующих в официальном политическом спектре сил по отношению к оппозиции, ее лидерам, ее действиям и т.д.

Ключевые слова: российское телевидение, выборы в России, новости, политические силы, политические протесты, репрезентация протестов.

На протяжении длительного времени до Думской кампании 2011 г. определенные политические силы, преимущественно незарегистрированные политические партии, а также сошедшие с политического олимпа, были фактически исключены из официального политического поля. На телевизионных каналах действовал определенный запрет на репрезентацию

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

определенных политических фигур и событий, например, таких, как процесс над М. Ходорковским, регулярные митинги в поддержку 31 статьи конституции (Прибыловский, 2006). Журналисты, многие из которых сформировались в профессии в этот период, сформировали устойчивые практики самостоятельного игнорирования определенных фигур в публичном поле (Koltsova, 2006).

Все это в значительной степени привело к тому, что в альтернативных видах медиа (преимущественно в Интернет-СМИ и блогосфере) сформировалась в некотором роде оппозиционная среда, своего рода изолированное пространство (Кирия, 2013) (Kiriya, *Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie*, 2012)), в котором зачастую прямо противоположные дискурсы националистов и «либералов» ссылались друг на друга в связи с их изолированностью от медиа широкой направленности (Etling, Alexanyan, Kelly, Palfrey, Faris, & Gasser, 2010).

Ряд официальных медиа, находящихся под надзором государства (и окологосударственных собственников), имели определенный карт-бланш на обслуживание информационных потребностей альтернативного оппозиционного пространства. К ним относились «Эхо Москвы», «Новая газета», отчасти газета «Коммерсантъ», канал «Рен-ТВ». Таким образом формировалась «параллельная общественная сфера», в которой оппозиционные медиа обслуживали узкие кластеры интеллигенции. Такая форма политического параллелизма является исторически укорененной и унаследованной еще с XIX в. (Kiriya, *The Culture of Subversion and Russian Media Landscape*, 2012).

Однако события 2011 г. дали повод многим говорить об изменении информационной парадигмы. Массовый протест против «рокировки» премьер-министра Путина и президента Медведева, которая была фактически анонсирована обоими на съезде партии «Единая Россия» в сентябре, вылился в массовые митинги в крупных городах-миллионниках. И данные события имели настолько значительные масштабы (несмотря на то что данные о количестве участников, предоставляемые оппозицией и городскими властями, сильно разнятся), что не могли быть полностью проигнорированы телевизионными новостями. В результате многие представители так называемой «несистемной оппозиции» в том или ином виде стали появляться в этот период в выпусках телевизионных новостей и информационно-аналитических передач, что вселило оптимизм во многих представителей общественной сферы, которые восприняли данный факт как «либерализацию телевидения».

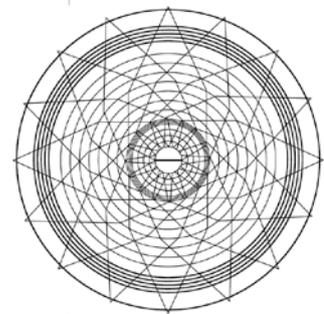
С нашей точки зрения, речь идет не о «либерализации телевидения», а напротив – об освоении еще одной манипулятивной технологии, заключающейся в умелом построении консенсусов и диссенсусов в медиaprостранстве через репрезентацию митингов и определенных политических сил через противопоставление другим политическим силам. С нашей точки зрения, телевидение использовалось в период данного политического кризиса для того,

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

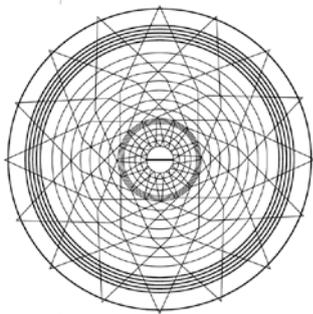
чтобы максимально поляризовать политические силы и, следовательно, отделить «агрессивное меньшинство» и его политических сторонников от большинства, поддерживающего преимущественно консервативные взгляды. В этой статье, используя метод контент-анализа и анализа сетей, мы попытаемся рассмотреть природу данного феномена репрезентации оппозиции.

Теоретический обзор

Политическими альянсами и группами занимались разные школы политической мысли. С точки зрения Роберта Даля, проблема консенсуса-диссенсуса заключается в том, что значительный раскол политических сил препятствует нормальной политической борьбе, которая строится на умении идти на компромиссы. Свою исходную посылку Даль строит на идее о том, что полиархия (именно так Даль, во избежание употребления чрезмерно идеологизированного понятия «демократии», называет наиболее либеральную форму правления) базируется на двух измерениях политического режима. Первый представляет собой степень публичного оспаривания, то есть отражает способность различных сил политического спектра публично оспаривать путем выборов идеи других политических сил (Даль, 2010).

Разные общества переходили к полиархическим режимам (именно так Даль называет «демократические режимы», дабы уйти от чрезмерной идеологизированности данного термина) разными траекториями. Наиболее стабильным Даль называет путь от расширения степени политического оспаривания к расширению степени политического участия. Этот путь приняли Швеция, Великобритания, Голландия и т.д. То есть, согласно данной траектории, сначала в недрах элит растет внутренняя политическая конкуренция, элиты получают право избирать и быть избранными, в результате на протяжении относительно длительного периода институты общества приучаются к открытой политической конкуренции. Затем круг избирателей постепенно увеличивается (через расширение избирательных прав).

Вторая траектория предполагает прямой и одновременный переход к расширению степени оспаривания и участия. Таким путем фактически шла только революционная Франция. Третья траектория, по Далю, наиболее рискованная, потому что предполагает расширение политического участия при сохранении политической монополии одной партии или силы, а затем последовательное расширение границ политической конкуренции. Такая траектория предполагает, что в той или иной степени все граждане вовлекаются в принятие политических решений без должной культуры политического выбора. В этой ситуации расширение границ политической конкуренции приводит к созданию резко конфликтующих друг с другом непримиримых и бескомпромиссных партий, сосуществование которых невозможно. Как пишет Даль, риск возврата к гегемонистскому режиму в этом случае чрезвычайно велик в связи с тем, что отсутствие консенсуса вынуждает партии бороться друг с другом через включение/исключение из политики. По данной траектории

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

двигалась Веймарская Республика, существование которой, как мы знаем, завершилось в результате прихода к власти путем демократических выборов одной из таких партий.

Мотором полиархии, таким образом, является не столь распространенное утверждение, что демократия – это власть большинства, а консенсус, то есть способность политических сил идти на уступки с целью привлечения дополнительных голосов и победы, и способность оппозиционных им сил признавать собственное поражение. Отсутствие консенсуса между двумя политическими силами (той, которая у власти, и всеми остальными) приводит к тому, что риски находящейся у власти партии в случае проигрыша увеличиваются, что повышает стремление такой партии сохранять за собой власть любой ценой, в том числе через ограничения доступа оппозиции к политической борьбе, что является ничем иным, как откатом обратно к гегемонистскому режиму.

Таким образом, гегемонистский режим может быть установлен в случае, если одна социальная группа чувствует угрозу со стороны другой социальной группы по отношению к собственным ценностям. В этом случае либо будет восстановлен режим гегемонии, либо произойдет той или иной степени интенсивности гражданская война (или гражданский конфликт). Такие конфликты между социальными группами, как уже было сказано, возникают отнюдь не на почве классовой борьбы, но в первую очередь на почве этнических, культурных, национальных и расовых противоречий (Даль, 2010). Самые значительные общественные дебаты в США, связанные с избирательным правом, касались предоставления избирательных прав чернокожему населению. Студенческие волнения в Париже в 1968 г. были связаны с представлениями о социальной справедливости и т.д. Даль приводит статистику, которая демонстрирует, что среди стран с более высоким уровнем культурного плюрализма гораздо меньше полиархических режимов.

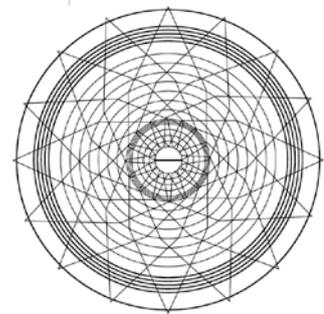
Коммуникативные отношения между политическими группами и соответствующими им социальными группами устанавливаются через средства массовой коммуникации. В период до XIX в. данные связи устанавливались через обслуживание определенными медиа определенных коммуникативных интересов политических партий. В результате каждая газета соответствовала, грубо говоря, определенной политической ориентации. В этом смысле медиа выполняли функцию медиаторов между политическими движениями и их адептами в социуме. По мнению Роберта Макчесней, именно такая форма взаимодействия была подлинно плюралистичной, потому что позволяла аудитории на основе знакомства с сообщениями разных СМИ получать информацию о политических позициях различных политических структур (McChesney, 2000). Фактически это сформировало типичную для Европы систему коммуникативного параллелизма, когда у каждой политической партии были свои каналы медиатизированной массовой коммуникации, и аудитория была

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

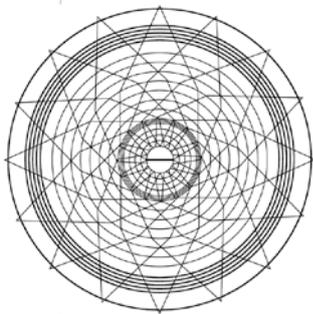

осведомлена о соответствии определенной политической идеологии позиции того или иного печатного СМИ (Hallin & Mancini, 2004).

Системе партийного параллелизма на смену пришла коммерческая система, предполагающая, что СМИ – это бизнес, а владельцам СМИ, таким образом, стало невыгодно, чтобы медиапотребители обращались к конкурирующим каналам коммуникации. Держать строгую политическую позицию с коммерческой точки зрения становилось невыгодно. Вместе с тем, будучи в массе своей крупными бизнесменами, владельцы медиакапитала, были в большей степени склонны настраивать принадлежащие им медиаканалы на поддержку правых взглядов. Таким образом, родилась соответствующая современности модель, при которой каждое медиа в том или ином виде отражает или пытается отражать всю ширину политического спектра. Для этого, по утверждению Макчесней, современные коммерческие медиа, будучи на деле манипулируемы крупными собственниками, создают и активно культивируют идею «объективной журналистики» (McChesney, 2000). Так или иначе в коммерческой системе политическая репрезентация строится на основе уделения большего или меньшего внимания той или иной политической силе при ее освещении. Такая модель получила название «повестки дня» (McCombs & Shaw, 1972) и производных от нее моделей «спирали молчания» (Noelle-Neumann, 1984) или гейткиперов (Shoemaker, 1991). Первая предполагает, что медиа, уделяя большее или меньшее внимание той или иной теме, формируют определенную модель общественных приоритетов, разделяемых реципиентами. Вторая исходит из того, что публично политические силы стараются озвучивать максимально популярные мнения, что депопуляризирует менее популярные мнения. Третья предполагает, что за счет «отсечения» тех или иных сообщений от медиа журналисты и редакторы выполняют роль гейткиперов, хранителей ворот на пути информации.

Таким образом, система консенсусов-диссенсусов может репрезентироваться через совместные упоминания одних политических сил вместе с другими в сообщениях масс-медиа и наоборот через их взаимную изоляцию. Мы исходим из того, что политическая репрезентация в наиболее эффективном смысле строится через упоминаемость политических партий, их лидеров и представителей различных социальных слоев в выпусках телевизионных новостей, которые до сих пор являются наиболее значимыми по охвату видами информирования общественности о политической жизни в России.

Новости как элементы телевизионного контента легитимизируют и наделяют властью тех или иных политиков (Ван Дейк, 2013, стр. 76). В исследованиях Ван Дейка демонстрируется, каким образом новостной дискурс изображал беженцев, мигрантов, этнические меньшинства как «аут-группы», противопоставляя их другим группам, наделенным властью. С этой точки зрения разная репрезентация политических сил может свидетельствовать в том числе о репрезентации определенных оппозиционных политических сил как «аут-групп».

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

В данном анализе мы исходим из того, что репрезентация политических сил и их адептов представляет собой не что иное, как упоминаемые в новостных сюжетах друг про друга представители этих сил. Упоминаемость одного персонажа в репортажах про другого фиксирует силу связи одного персонажа с другим в телевизионном дискурсе. Таким образом, структуру отношений между данными персонажами можно представить в виде социальной сети, фиксируя материально-семиотические отношения (Latour, 2005), то есть отношения между материальными фигурами, воплощенными в дискурсе.

Методика

Настоящее исследование построено на методе контент-анализа, выполненного коллективом Лаборатории медиаисследований Факультета медиакоммуникаций «Высшей школы экономики». Единицей подсчета был телевизионный сюжет. Кодировались две волны телевизионного информационно-политического эфира: в период думской предвыборной кампании 2011 г. и 3 недели после нее, и в период президентской кампании 2012 и 3 недели после нее. Среди параметров кодировки (многие из которых используются в других исследованиях упомянутого коллектива) была сквозная кодировка упоминаемых, цитируемых и показанных в телевизионном эфире персонажей. Затем полученная база использовалась для построения сетевых графов. Фиксировались только сюжеты про 11 ключевых политических персонажей во власти и несистемной оппозиции: Путин, Медведев, Прохоров, Зюганов, Жириновский, Миронов, Немцов, Навальный, Яшин, Удальцов, Гудков. При этом размер каждого узла зависел от общего количества сюжетов, в которых один из указанных персонажей был показан или говорил прямую речь. Толщина связей в графе между двумя персонажами зависела от количества упоминаний одного в сюжетах про другого. Очевидно, что количество упоминаний отличается в большую сторону от количества сюжетов, в которых тот или иной персонаж фигурировал в качестве главного.

Каждое упоминаемое лицо проверялось с точки зрения принадлежности в период упоминания к той или иной группе. Основные группы:

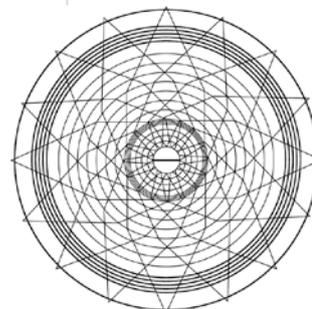
- степень позиционирования по отношению к государству (Правительство, Администрация президента, Государственная Дума, Совет Федерации, другие чиновники, бизнес, медиа);
- степень позиционирования по отношению к системе политических партий («ЕР», «СР», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Правые» (Прохоров), «Патриоты», оппозиция (незарегистрированные и зарегистрированные партии, представленные в ходе протестных митингов в координационном совете оппозиции и среди организаторов, и участников митингов);
- принадлежность к сфере культуры, образования, спорта;
- во второй волне: принадлежность к штабу Путина (список доверенных лиц).

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

Один и тот же персонаж мог принадлежать к нескольким сферам (например, депутат, который одновременно является известным актером, помечался три раза: как представитель Государственной Думы, как член определенной партии и как представитель сферы культуры). Таким же образом помечались деятели культуры, которые в указанный период открыто поддерживали определенные политические силы и партии.

Все умершие персонажи (исторические личности, писатели, музыканты и т.д.) попадали в категорию «исторические персонажи», как исключенные из актуального политического поля.

Политические и властные пространства

В целом получившиеся сетевые графы 1 и 2 (См. *Приложение 1, Рисунки 1 и 2*) свидетельствуют том, что сюжеты представляют собой сеть взаимного цитирования правительственных и парламентских персонажей с явным преобладанием Государственной Думы, и системы зарегистрированных официальных политических партий в первой волне, и с минимальной партийной и парламентской репрезентацией во второй волне, что замещается более плотной сетью кандидатов в президенты, ссылающихся друг на друга.

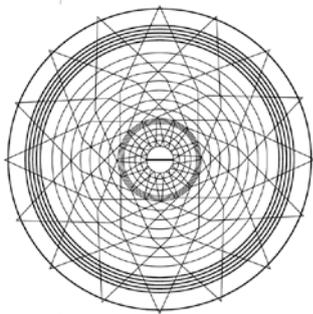
То есть президентские выборы действуют как бы за пределами существующей партийной системы и не опираются на партийную принадлежность кандидатов, о чем свидетельствует относительно небольшой уровень ссылок и цитирования персонажей, репрезентирующих действующие политические партии в Государственной Думе во второй волне.

Становится также очевидным, что протестные митинги и в целом повышенная гражданская активность выводят на второе место по цитированиям в партийном пространстве так называемую несистемную оппозицию (в первой волне), а во второй волне оппозиция становится главным действующим лицом в партийном пространстве. То есть весь политический спектр во второй волне позиционирует себя по отношению к оппозиционным политикам, то есть представителям несистемной оппозиции.

Как свидетельствуют сетевые графы (См. *Приложение 1, Рисунки 3-6*), более структурно связаны друг с другом оказываются представители пространства «Государственная Дума», тогда как пространства «Правительство» и «Администрация Президента» связаны исключительно с собственными лидерами, причем одиночными связями.

Кроме того, как свидетельствует *Рисунок 6*, социальная сеть «наука, спорт, образование» абсолютно автономна и не имеет собственных связей. То есть представители этой сферы цитируются в политических сюжетах исключительно совместно с политиками и отдельной сферы из себя (не?) представляют.

Важно также обратить внимание на наличие четкой сети взаимоцитирований внутри «тандема» (то есть связки президент-премьер-министр), которая, однако, менее выражена по направлению от Путина к Медведеву, чем наоборот. Особенно это характерно для первой волны, в которой, очевидно, действующий

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

премьер-министр не очень хотел отождествляться с партийной игрой, в которой преобладала партия власти и ее лидер, действующий президент.

Еще одной особенностью является тот факт, что сеть взаимного цитирования политических деятелей, с одной стороны, и представителей сферы науки, культуры и спорта с другой, почти целиком строится на уникальных цитированиях (к примеру, когда Андрей Макаревич появляется в сюжете про Прохорова, но больше нигде не появляется). Это свидетельствует о существенной инструментализации сферы политики, в которой действует значительное (а во второй волне – преобладающее) количество персонажей «переходного характера», своего рода switchers в терминах Кастельса (Castells, 2010).

Логика репрезентации партийной принадлежности свидетельствует о том, что представители «Единой России» не цитируются в сюжетах друг о друге, а «перемешаны» в сюжетах о других персонажах: представителях иных партий, лидерах оппозиции и т.д. Отсюда – очень небольшое количество членов других партий, окружающих их лидеров в телевизионных сюжетах. Следовательно, доминирование навязывается не через самостоятельные сюжеты о партии, а через то, что существующие доминирующие в публичной сфере представители иных партий позиционируются по отношению к партии власти. Таким же образом ведут себя представители «несистемной оппозиции» (*Приложение 1, Рисунки 7 и 10*).

Фактически партия КПРФ представлена на графах только тремя персонажами в первой волне: неизменным лидером Геннадием Зюгановым, членом комитета по обороне Комоедовым, а также бессменным членом КПРФ, начиная с Думы 1 созыва, Николаем Харитоновым. Это значит, что представители КПРФ упоминаются чаще вместе с представителями других партий. Интересна в этом смысле роль Сергея Удальцова: во второй волне он, будучи не членом КПРФ, а скорее одним из участников и организаторов протестных митингов, официально поддержал кандидата на пост президента от коммунистов. Поэтому будучи представителем оппозиции, этот персонаж был в то же время агитатором за КПРФ (*Приложение 1, Рисунок 8*).

Говоря о структуре социальной сети партии «Справедливая Россия», нужно отметить в целом больший вес лидера партии, то есть количество сюжетов, в которых он фигурирует в качестве одного из главных героев. Однако при этом количество ссылок на членов или адептов партии в первой волне очень незначительно, а во втором минимально (*Приложение 1, Рисунок 9*).

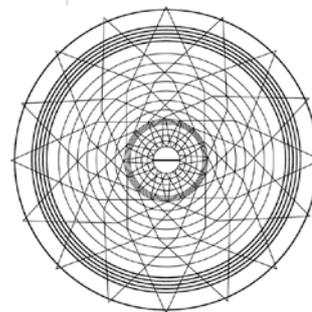
Сеть оппозиции во второй волне становится плотнее, однако в целом необходимо отметить достаточно слабый уровень плотности данной социальной сети, что свидетельствует о значительной разобщенности оппозиции и ее адептов в телевизионном дискурсе. То есть они цитируются совместно с разными представителями преимущественно системных политических сил (*Приложение 1, Рисунок 10*).

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

Интеракции персонажей

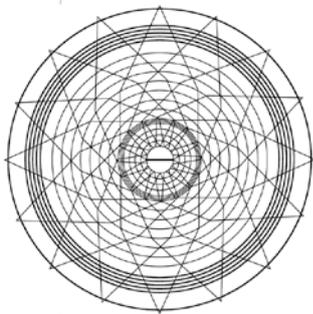
В целом необходимо отметить изменение « сетевого поведения » нескольких персонажей от первой волны ко второй. Таких персонажей всего три: Путин, Навальный и Прохоров. Эти изменения лучше всего демонстрируются показателем « коэффициент кластеризации », который означает степень, с которой два персонажа, цитируемых в сюжетах о третьем, цитируются в репортажах друг про друга. Более высокий коэффициент означает более плотную сеть. В первой волне у Путина и Прохорова существенно более « плотные » (связанные с ними персонажи связаны также друг с другом) сети (таблица 1). Это значит, что в сюжетах об этих персонажах упоминаются преимущественно ключевые политические акторы (связанные соответственно между собой). И наоборот, у Медведева, Миронова, Зюганова, Жириновского, а также Навального в первой волне минимально плотная сеть. Иными словами, в сюжетах они окружены преимущественно персонажами, не связанными друг с другом.

Таблица 1. Коэффициент кластеризации сюжетов о ключевых персонажах в первой и второй волнах

Персонаж	Коэффициент кластеризации 1 волна	Коэффициент кластеризации 2 волна
Путин	0,178	0,045
Медведев	0,024	0,014
Зюганов	0,066	0,1
Жириновский	0,2	0,176
Прохоров	0,556	0,044
Миронов	0,052	0,065
Навальный	0,03	0,222

Во второй волне ситуация меняется. Путин по количеству упоминаний и плотности сети становится вполне сопоставимым с Дмитрием Медведевым, а также другими кандидатами в президенты. При этом то же самое можно сказать о Михаиле Прохорове. И наоборот, Алексей Навальный оказывается окружен более плотной сетью (что также объясняется немногочисленностью сюжетов о нем во второй волне).

В первой волне Путин репрезентируется телеканалами как минимально вовлеченный в политику: у него минимум связей с партией власти и относительно небольшое количество упоминаний президента. В то же время у Медведева количество упоминаний премьер-министра достаточно большое. Важно также отметить, что в первой волне среди всех партийных упоминаний

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

(упоминаний представителей партий) в сюжетах про Путина преобладают представители «самоликвидировавшихся правых» в лице Прохорова. То есть налицо надпартийность премьер-министра, нежелание телеканалов четко позиционировать его по отношению к какой-либо из официальных партий и особенно партии власти (*Приложение 1, Рисунок 11*).

Во второй волне Путин максимально близок к Медведеву по количеству упоминаний в сюжетах про Медведева и связям с персонажами (коэффициент кластеризации составляет 0,045).

Отметим также, что в сюжетах про премьер-министра очень мало связей с действующими членами правительства и администрации президента, причем в обеих волнах. То есть если медийная репрезентация премьера в первой волне не позиционирует его вовсе как представителя власти, то во второй волне он позиционируется исключительно как кандидат в президенты, а не как действующий премьер.

Политическую роль президента того периода, Дмитрия Медведева, мы могли бы охарактеризовать как «ракета-носитель». Если в первой волне у него максимальное количество упоминаний членов партии «Единая Россия», то во второй волне его партийная аффилиация практически отсутствует, то есть он не упоминается вместе с персонажами, имеющими отношение к этой партии (*Приложение 1, Рисунок 7*). Следовательно, предполагалось, что фигура президента должна была вывести партию «ЕР», которая незадолго до выборов потеряла популярность и воспринималась как бюрократизированная «партия крупного бизнеса».

Зеленый цвет («ЕР») на графе в первой волне доминирует в окружении Медведева, тогда как во второй волне доминирует фиолетовый (обозначающий беспартийность). Обратим также внимание на то, что в сюжетах про Медведева больше всего упоминаний действующих членов правительства и администрации президента (*Приложение 1, Рисунок 12*).

Важно отметить значительное количество ссылок на так называемую несистемную оппозицию в сюжетах про Медведева. Особенно во второй волне, где общее количество упоминаний адептов «несистемной оппозиции» больше, чем общее количество упоминаний действующих членов других зарегистрированных партий («ЕР», «СР», КПРФ, ЛДПР).

Сергей Миронов наиболее активно действует в первой волне, где он окружен большим количеством персонажей, которые больше ни с кем из других политических фигур не связаны. В первой волне общее количество сюжетов с его участием больше, чем общее количество сюжетов с участием Владимира Путина. В сюжетах, где Миронов фигурирует в качестве одного из основных персонажей, парадоксально много упоминаний персонажей, являющихся членами «Единой России», что видно на графе (*Приложение 1, Рисунок 13*).

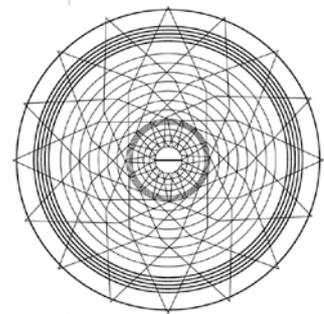
Во второй волне сеть Миронова в основном представлена другими кандидатами в президенты, а самостоятельных персонажей, действующих только рядом с ним, немного. При этом политический спектр упоминаний смещается от «Единой

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

России» к КПРФ и Прохорову. Опять же обратим внимание на то, что во второй волне Миронов гораздо меньше позиционируется как связанный с собственной партией. В сюжетах о нем есть упоминание всего одного (!) члена «СР» (*Приложение 1, Рисунок 13*).

Важно также отметить, что в целом в сети данного персонажа очень много деятелей культуры, образования и спорта. Они доминируют в обеих волнах. Причем среди них довольно много тех, кто будучи деятелями культуры, являются депутатами Государственной Думы или кандидатами в депутаты. Например, такие персонажи, как Мария Кожевникова (звезда сериала «Универ»), Мария Максакова-Игенбергс (солистка Мариинского театра), Николай Валуев (известный спортсмен), были избраны в депутаты Государственной Думы VI созыва от партии «Единая Россия». Таким образом, Сергей Миронов выступает в качестве персонажа, связывающего сферу культуры и интеллигенции с политической сферой.

Сеть Геннадия Зюганова максимально дистанцирует его от всех остальных политических деятелей, фактически лишая его собственного круга упоминаний. То есть в сюжетах про Геннадия Зюганова он окружен персонажами из других партий, что видно на графе (*Приложение 1, Рисунок 14*). В первой волне среди них преобладает также «Единая Россия».

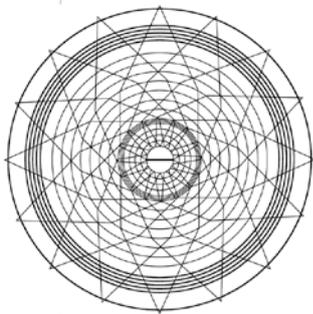
Среди основных властных пространств в сюжетах о Зюганове преобладает Государственная Дума. То есть персонажи, упоминаемые в сюжетах о нем, в значительной степени являются депутатами.

Важно также отметить значительное количество упоминаний несистемной оппозиции и правых в сюжетах про Зюганова (соответственно 11 и 12 во второй волне). Таким образом, можно сказать, что Геннадий Зюганов выполняет роль «официальной оппозиции», его позиция всегда соседствует с позицией провластных партийных сил.

Сетевой граф Владимира Жириновского (*Приложение 1, Рисунок 15*) свидетельствует о достаточно ограниченном наборе связей этого политика. То есть сюжеты о нем в значительной степени построены на упоминаниях в основном известных персонажей из политического спектра, преимущественно из Государственной Думы (лидеры других партий, президент, премьер и т.д.). В этом смысле граф Жириновского менее всего выразителен.

Если обратить внимание на интеракции Владимира Жириновского, мы можем обнаружить, что в сюжетах о нем преобладают персонажи, являющиеся депутатами Государственной Думы. Среди них КПРФ и «СР». Показательно, что рядом с Жириновским отсутствуют какие-либо упоминания о других членах возглавляемой им партии.

Такая стратегия освещения демонстрирует, что Жириновский зачастую соседствует с Зюгановым, что, как мы знаем, является традиционным шаблоном «обзорного» репортажа государственных каналов, в котором коротко представлен обзор действий основных кандидатов в президенты, или основных

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

лидеров партий на выборах, или основных лидеров парламентских фракций во время утверждения очередного закона.

Михаил Прохоров более активно присутствует на телеканалах во второй волне и характер его связей в первой волне вполне конъюнктурный (связи с Путиным, Медведевым, ключевыми политиками) (*Приложение 1, Рисунок 16*). Во второй волне он действует как оппозиционный политик, фактически ближе связанный с оппозицией (упоминания лидеров несистемной оппозиции в сюжетах про него существенно больше), и у него есть собственная сеть персонажей, по отношению к которым он позиционируется. Таким образом, он действует как связующее звено между властью и несистемной оппозицией.

Усиление роли Прохорова вполне понятно. Если в первой волне он был обычным политиком без партии (тем не менее не исключенным из федеральной повестки дня), то во второй – кандидатом в президенты. В этом смысле интересно, что Прохоров после потери партии «Правое дело» (а это произошло на съезде задолго до выборов) не уходил с политической сцены. Более того, по упоминаниям он присутствует в политическом пространстве больше, чем представители «Правого дела». Понимая ситуацию на федеральных каналах, нужно сказать, что такое сохранение присутствия Прохорова было своего рода подготовкой к его выводу на политическую сцену уже в качестве кандидата в президенты.

Что касается связей Прохорова с оппозицией, об этом свидетельствует максимальное количество упоминаний оппозиционных политиков и активистов. Наконец, у Прохорова, как и у Миронова, много связей с представителями сферы культуры, науки и спорта.

Алексей Навальный в первой волне действует как вполне самостоятельный политик. Это единственный представитель несистемной оппозиции, о котором много сюжетов и которого окружают упоминания относительно большого и самостоятельного круга персонажей (*Приложение 1, Рисунок 17*).

Во второй волне количество сюжетов с Навальным существенно меньше, а его связи с ведущими политиками существенно меньше. Фактически мы имеем дело с ситуацией, когда роли Прохорова и Навального меняются на противоположные во второй волне. То есть мы можем предполагать, что ответом федерального телевидения и правящей коалиции было замещение Прохоровым на президентских выборах протестной фигуры Навального.

Обратим также внимание на то, что в дискурсе сюжетов, где фигурирует Алексей Навальный, много ссылок на зарубежных лидеров (причем в первую очередь лидеров арабских государств: Асада, Мубарака и т.д.) в первой волне. Это свидетельствует о том, что протесты и движение за честные выборы, очевидно, сравнивались с гражданским активизмом в этих странах.

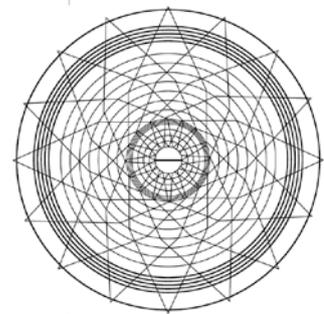
Некоторые персонажи, включенные нами в исследование, однако, не обнаружили значимого присутствия в телевизионных новостях, поэтому построение сетевых графов для них достаточно бессмысленно. Это такие представители «несистемной оппозиции», как Борис Немцов (1-й сюжет в первой

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

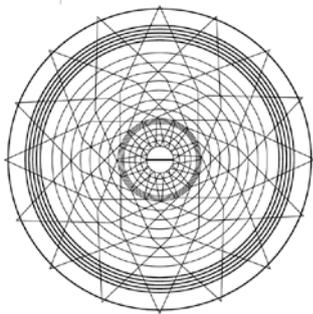
волне и 11-й во второй). Илья Яшин и Геннадий Гудков (отсутствуют в телевизионных новостях), а также Сергей Удальцов, также насчитывающий около двух десятков сюжетов во второй волне. Однако у этого политика по одному–двум упоминаниям ключевых персонажей, поэтому он не представляет значимого количественного интереса.

Выводы

В целом необходимо отметить, что результаты исследования свидетельствуют о двух принципиально разных стратегиях двух кампаний. Думская кампания представляла собой «борьбу маргиналов» против всеохватывающей партии «Единая Россия», кандидаты от которой и депутаты которой цитируются в дискурсе о любых кандидатах любых других партий. То есть стратегия репрезентации партии строится на ее сравнении со всеми остальными. При этом в целом в публичном поле в это время присутствовали фигуры из Государственной Думы, как будто происходило переутверждение одних и тех же депутатов на новый срок. Во второй волне мы имеем дело с абсолютно непартийным дискурсом, максимально дистанцированным от партийной принадлежности кандидатов в президенты.

Второе, что нужно отметить – это то, что произошел выход оппозиции в публичное поле, и остальные силы (кандидаты в президенты в первую очередь) позиционировались по отношению к этой оппозиции за исключением одного персонажа: кандидата в президенты В.В. Путина. Таким образом оппозиция противопоставлялась всем иным политическим силам, причем происходило это в первую очередь во второй волне, а не в первой. Таким образом сам по себе «беспартийный дискурс» президентской кампании противопоставлялся вполне партийному дискурсу несистемной оппозиции. Поэтому упоминания оппозиционных политиков и представителей несистемной оппозиции присутствуют почти у всех политиков, кроме Владимира Путина. Интересно также, что при этом в целом «правая карта» разыгрывается в том или ином виде всеми политиками. Следовательно, в значительной степени правые силы в лице Михаила Прохорова выступили своего рода буфером между несистемной оппозицией и системными партиями. Отчасти такую же роль выполняет Геннадий Зюганов. Таким образом, федеральные телеканалы создают пространство диссенсуса между политическими силами и несистемной оппозицией. В этом смысле протестные движения оказались как нельзя кстати для того, чтобы внести какое-то содержание в президентскую кампанию с предопределенным финалом.

Наконец, третий важный вывод касается роли представителей сферы культуры, науки и спорта. Фактически они выступают в роли «обслуживающего персонала» для политических дискурсов ведущих политиков (что затем щедро вознаграждается попаданием в Думу). В этом смысле продолжается дальнейшая депрофессионализация политики и деполитизация населения с последующей медиатизацией политической сферы.

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

БИБЛИОГРАФИЯ

Кирия, И. (2013). Социальные медиа как инструмент политической изоляции в России. В А. Г. Качкаева (Ред.), *Смеющаяся Нереволуция: Движения протеста и медиа (мифы, язык, символы)* (стр. 12-25). Москва: Фонд "Либеральная миссия".

Ван Дейк, Т. (2013). *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке коммуникации*. Москва: Книжный дом "Либроком".

Etling, B., Alexanyan, K., Kelly, J., Palfrey, J., Faris, R., & Gasser, U. (2010). *Public Discourse in the Russian Blogosphere. Mapping RuNet Politica and Mobilization*. Berkman Center, Harvard University.

Даль, Р. А. (2010). *Полиархия: участие и оппозиция*. Москва: НИУ ВШЭ.

Hallin, D., & Mancini, P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kiriya, I. (2012). Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie. *ESSACHESS - Journal of communication studies*, 5, 193-208.

Kiriya, I. (2012). The Culture of Subversion and Russian Media Landscape. *International Journal of Communication*, 6.

Koltsova, O. (2006). *News media and power in Russia*. London: Routledge.

Latour, B. (2005). *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York: Oxford University Press.

McChesney, R. (2000). *Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times*. New York: The New Press.

McCombs, M., & Shaw, D. (1972). THE Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 36 (2), 176-187.

Noelle-Neumann, E. (1984). *The spiral of silence: Public opinion – our social skin*. Chicago: The University of Chicago Press. Chicago: Chicago University Press.

Shoemaker, P. (1991). *Gatekeeping*. Newbury Park: Sage.

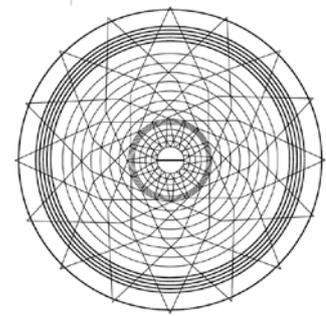
Прибыловский, В. (2006). Власть и СМИ в правление Путина. Хроника. В А. Верховский (Ред.), *Демократия вертикали* (стр. 68-103). Москва: Центр "Сова".

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Материалы исследования коллектива Лаборатории медиаисследований Факультета медиакоммуникаций «Высшей школы экономики»

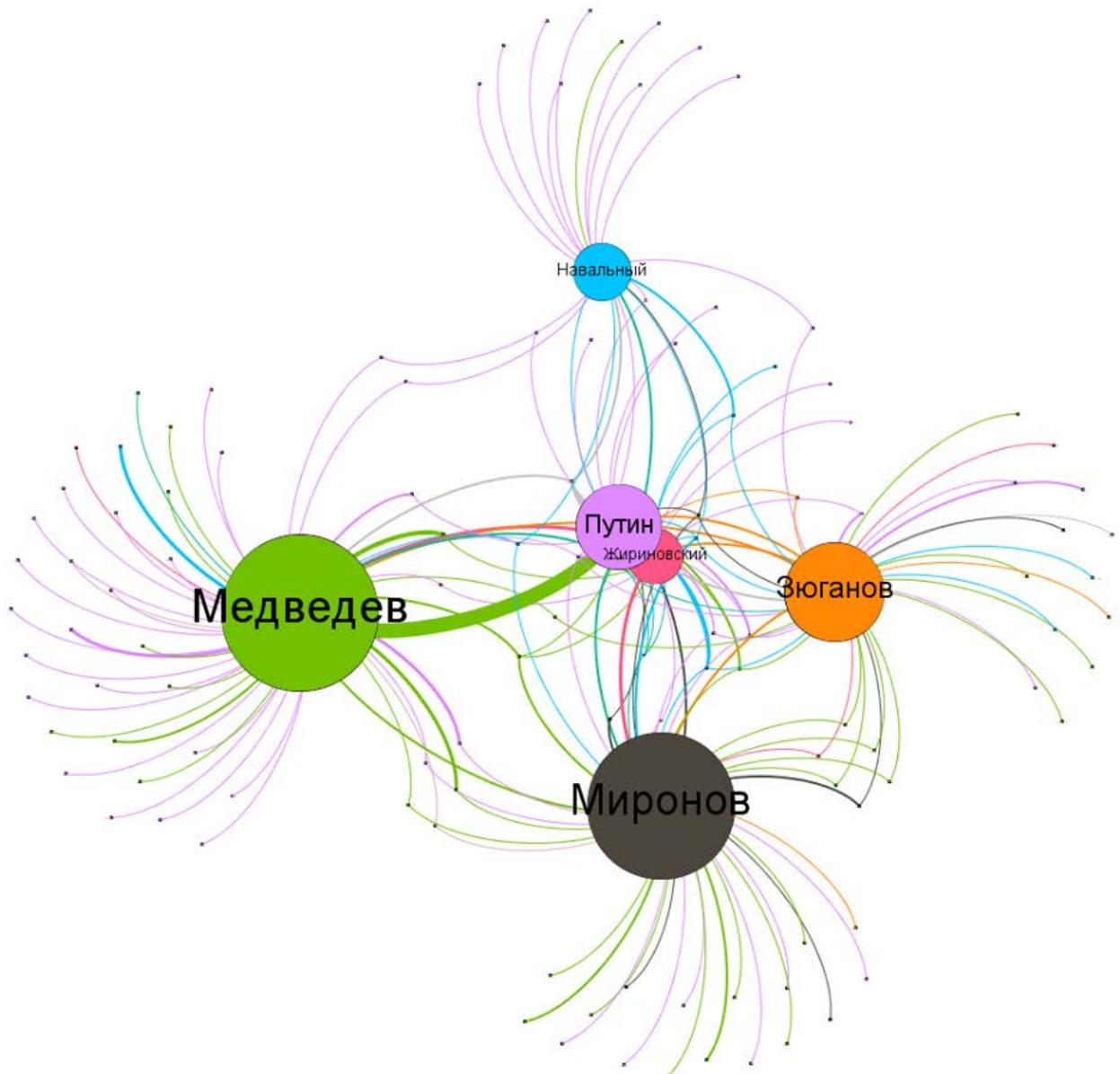
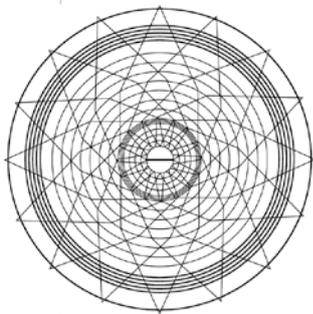

Рисунок 1. Сетевой граф первой волны исследования

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

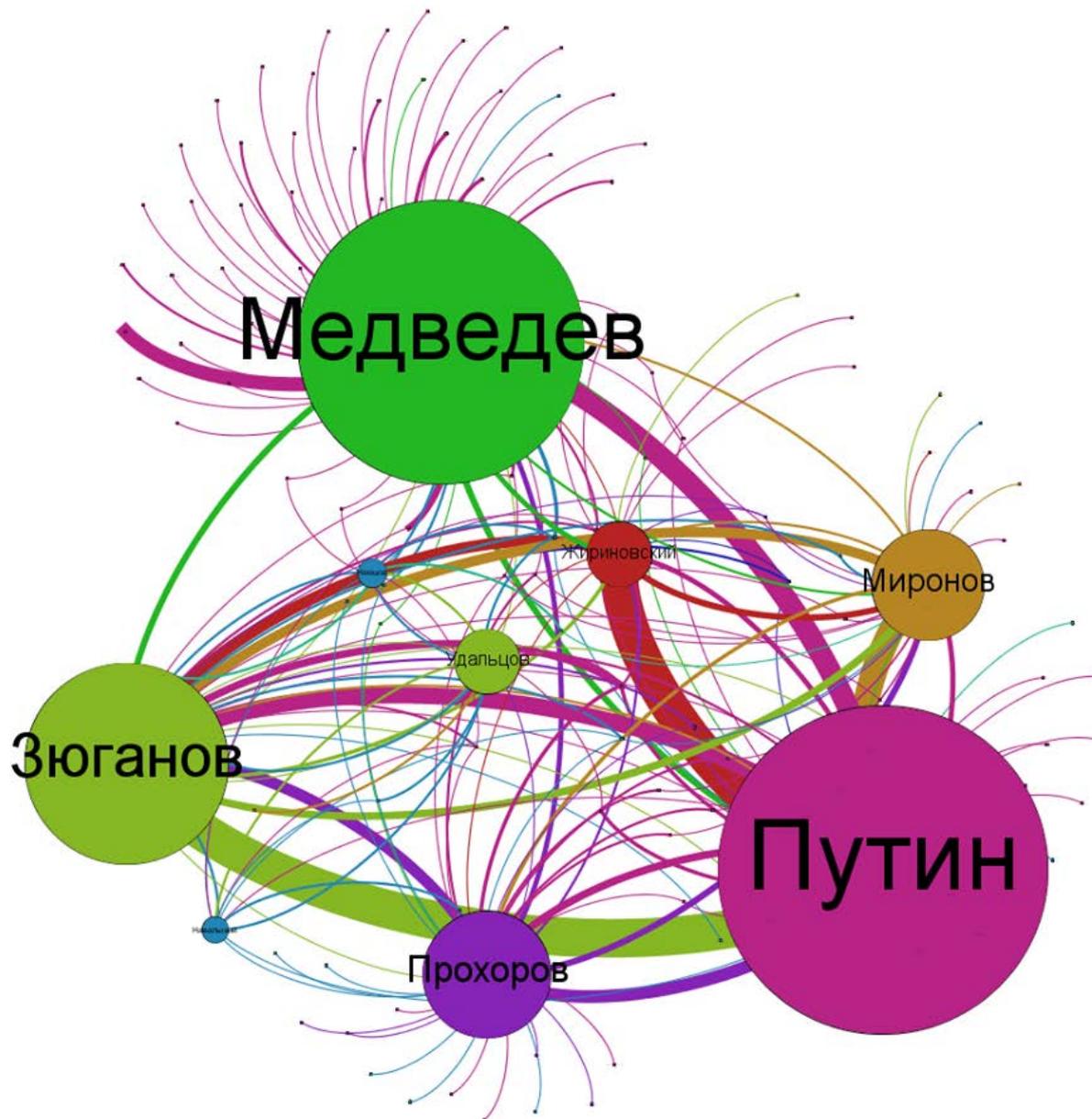

Рисунок 2. Сетевой граф второй волны исследования

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

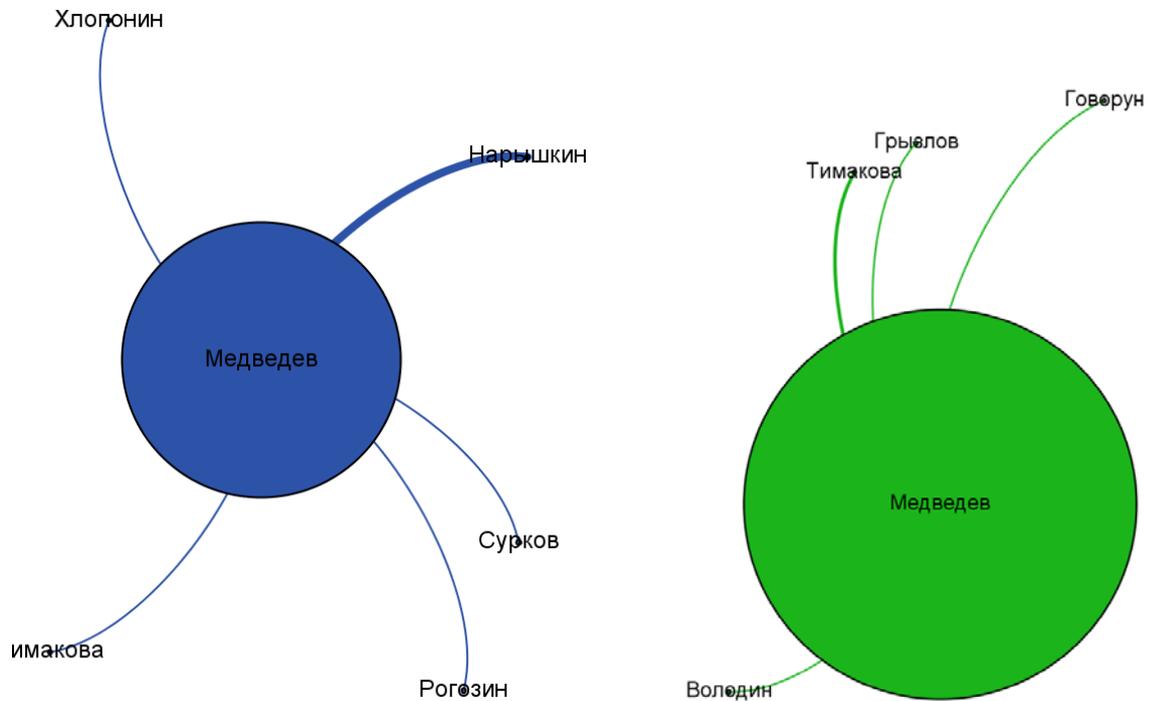
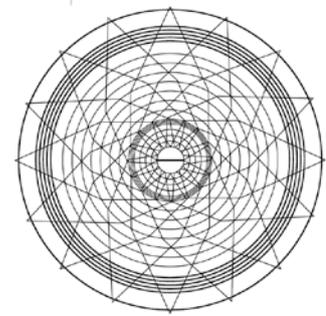
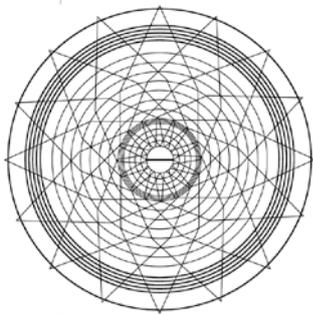

Рисунок 3. Граф социальной сети «Администрация Президента» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

Песков

Щеглов

Фурвэнко

Ковак
Зубков

Иванов

Жуков

Силуанов

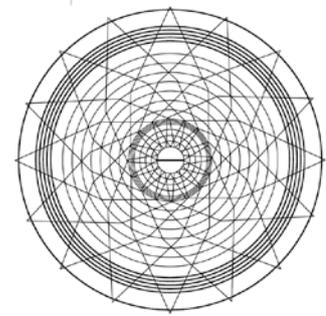
Рисунок 4. (Волна 1) Граф социальной сети «Правительство» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

Зубков

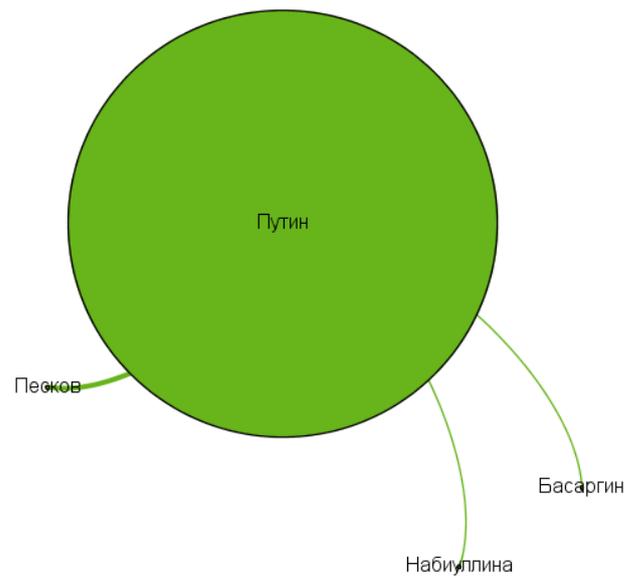
Лавров

Голижова

Щеголев

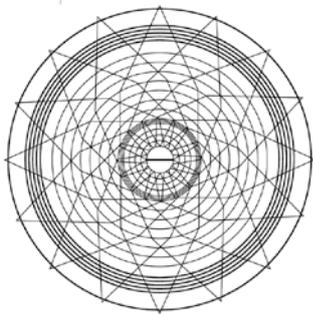
Нургалиев

Шойгу

Фурсенко

Рисунок 4. (Волна 2) Граф социальной сети «Правительство» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

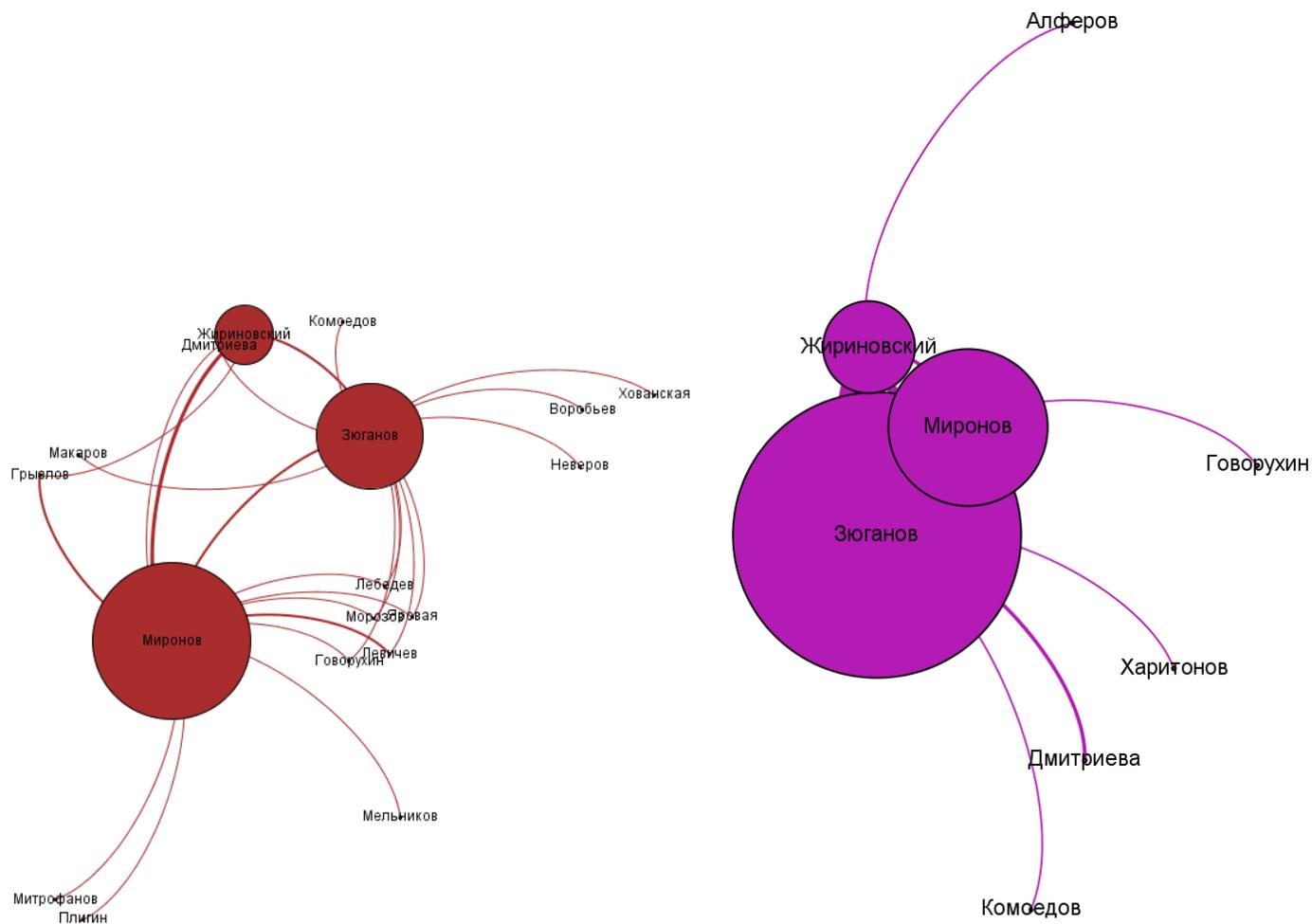

Рисунок 5. Граф социальной сети «Государственная Дума» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

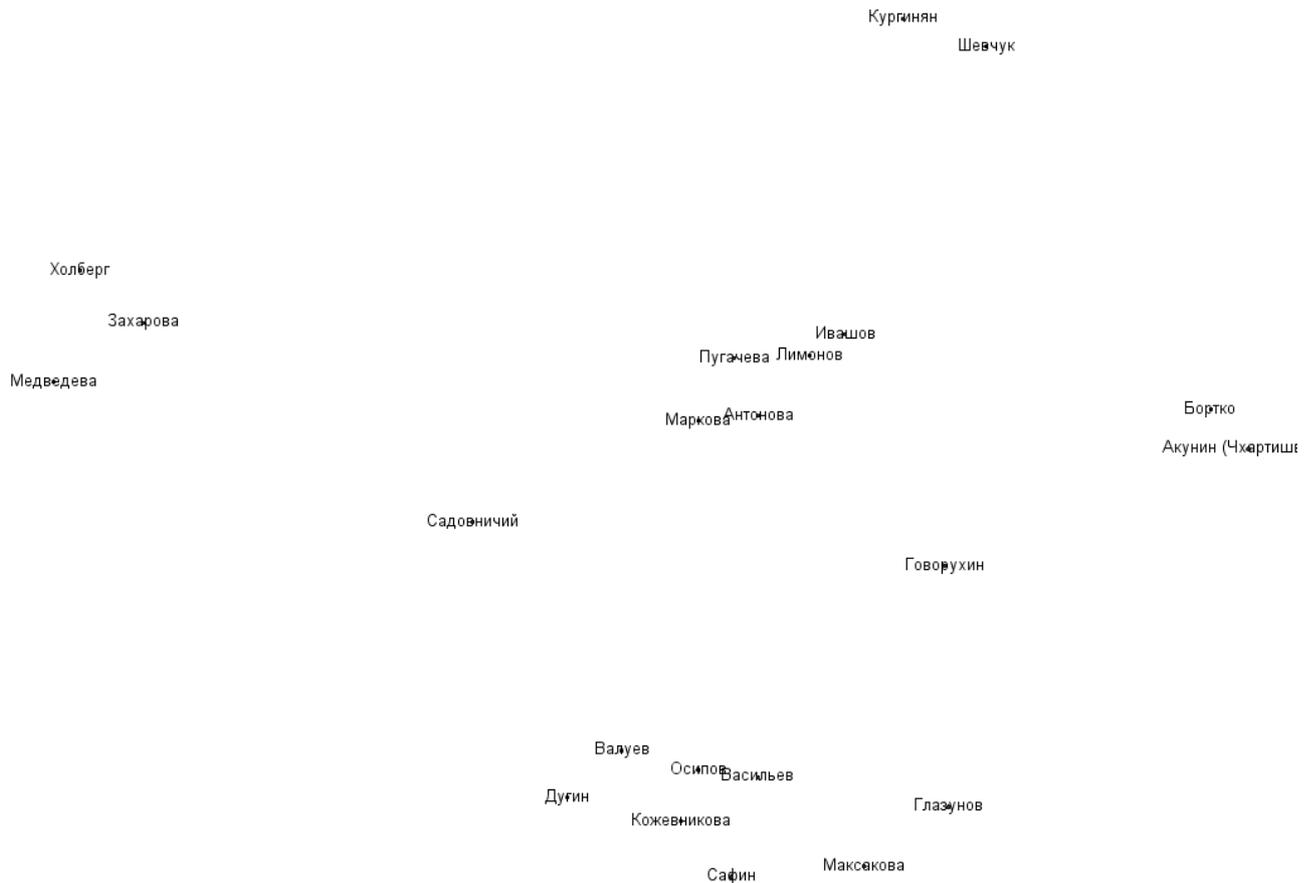
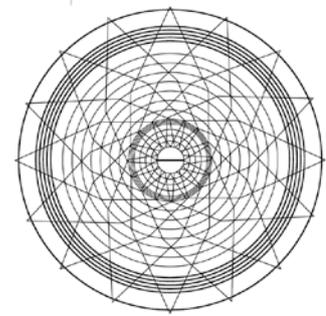
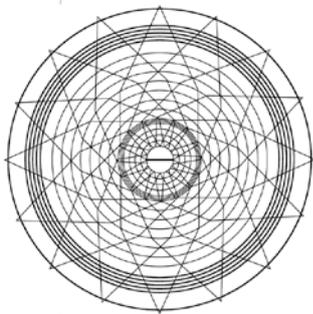

Рисунок 6. (Волна 1) Граф социальной сети «Наука, спорт, образование» в первой и второй волне

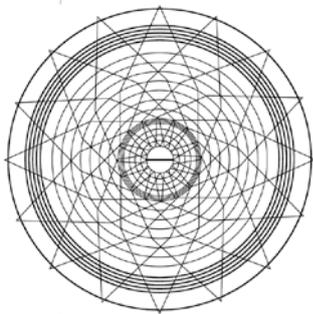
[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

Рисунок 6. (Волна 2) Граф социальной сети «Наука, спорт, образование» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

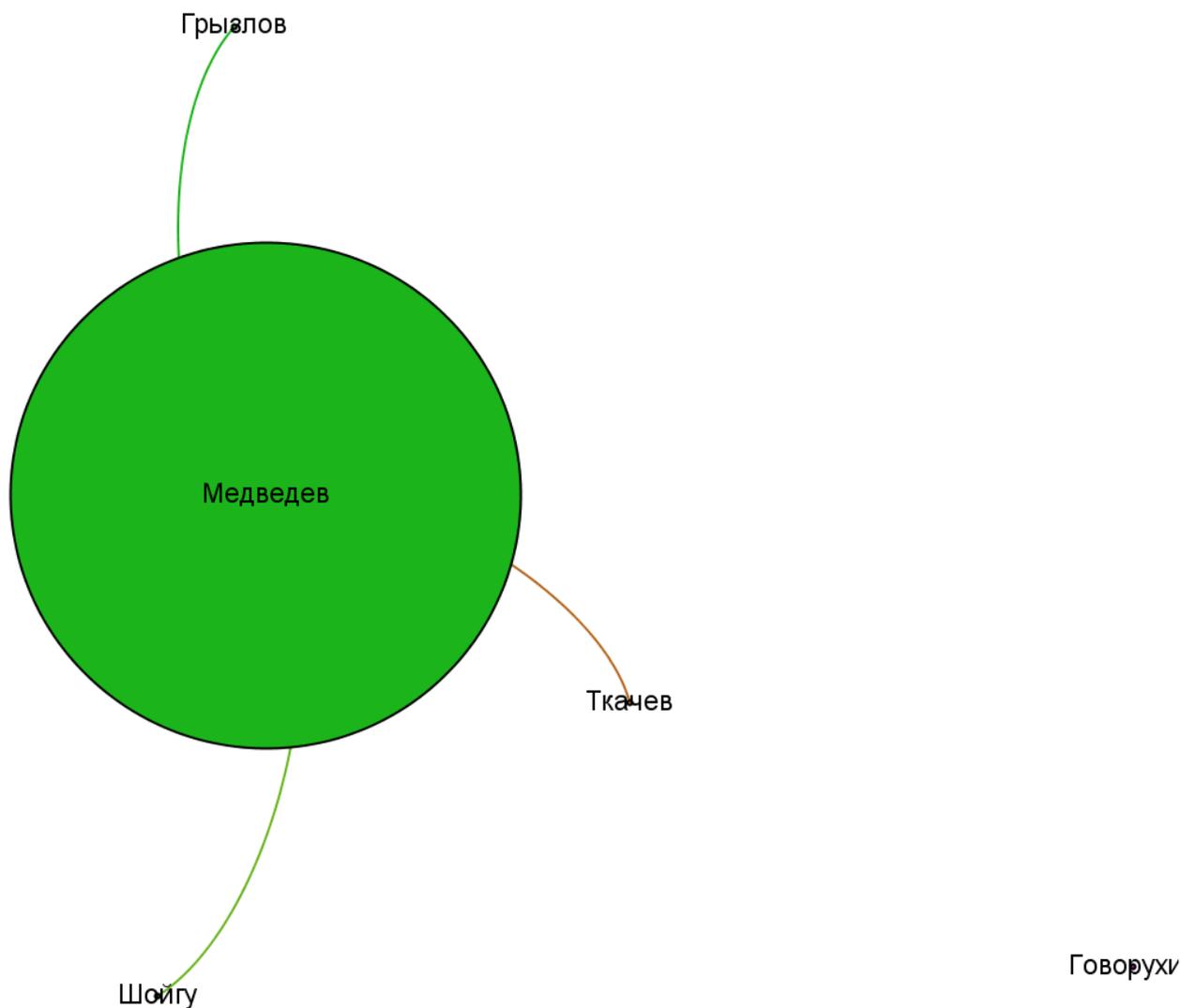

Рисунок 7. (Волна 2) Граф социальной сети партии «Единая Россия» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

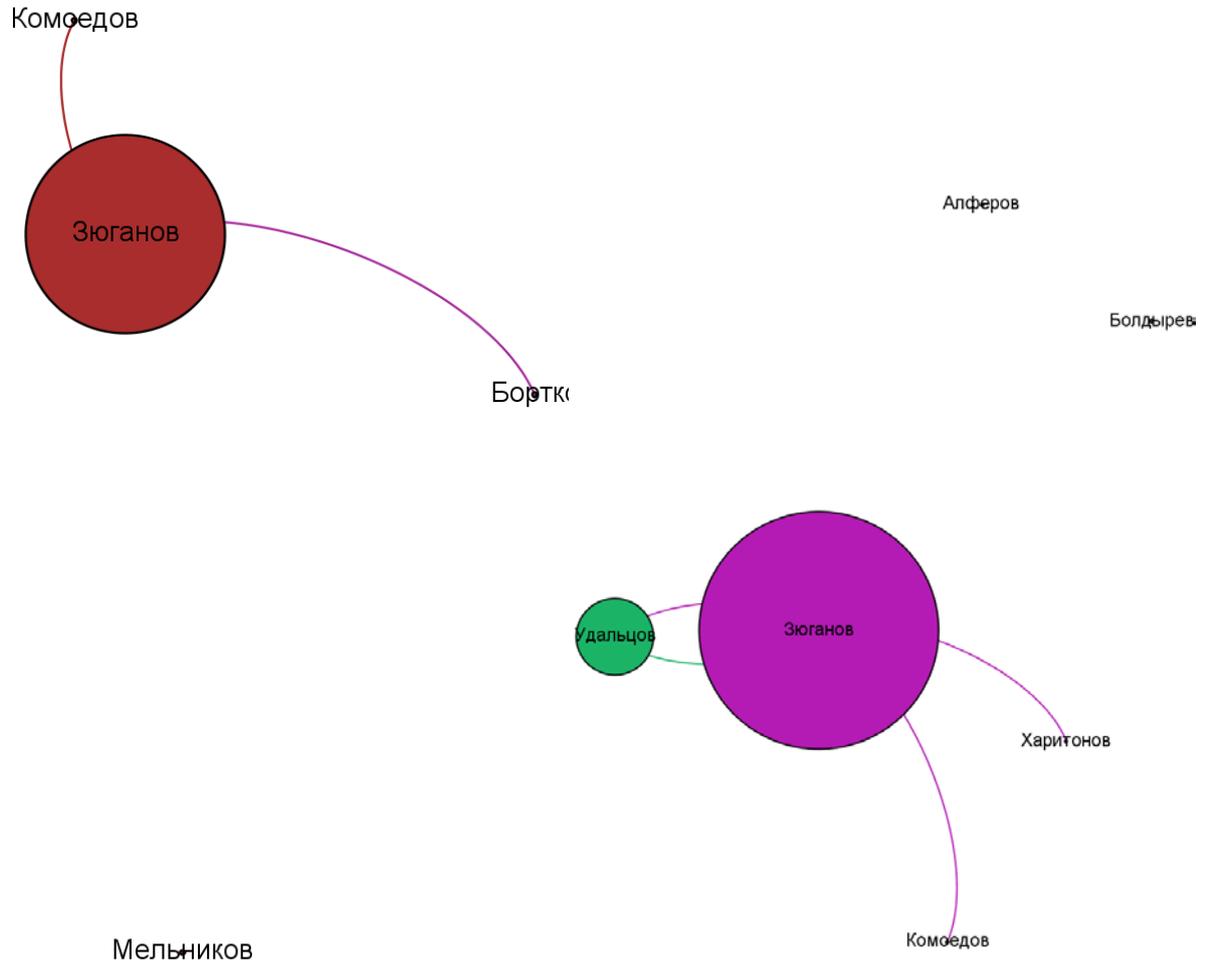
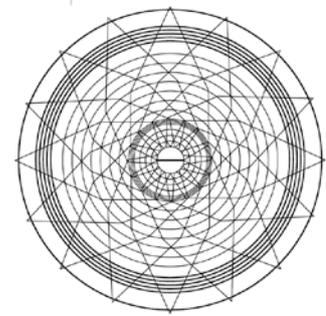
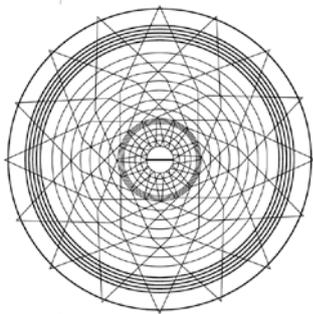

Рисунок 8. Граф социальной сети партии КПРФ в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

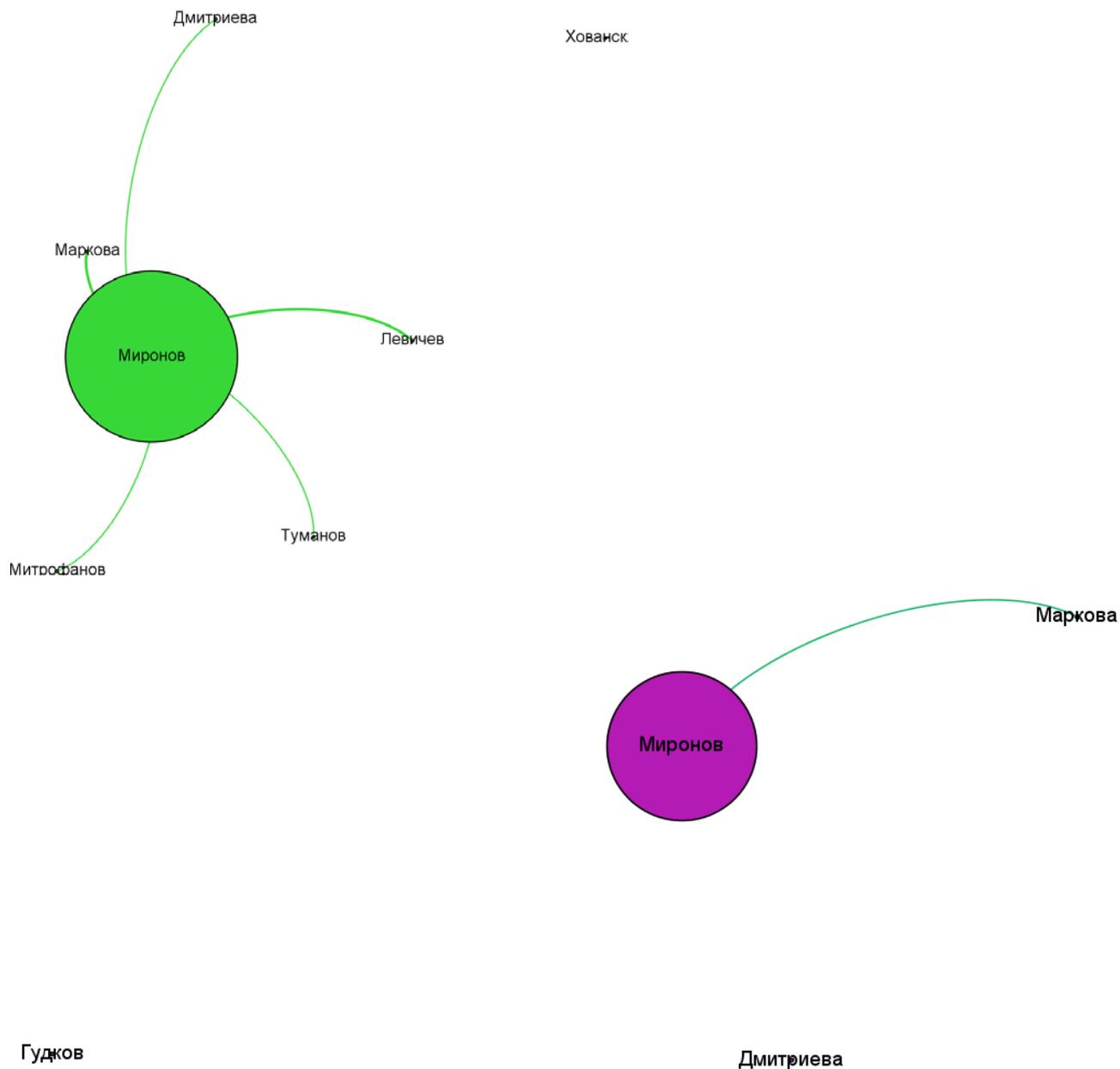

Рисунок 9. Граф социальной сети партии «Справедливая Россия» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

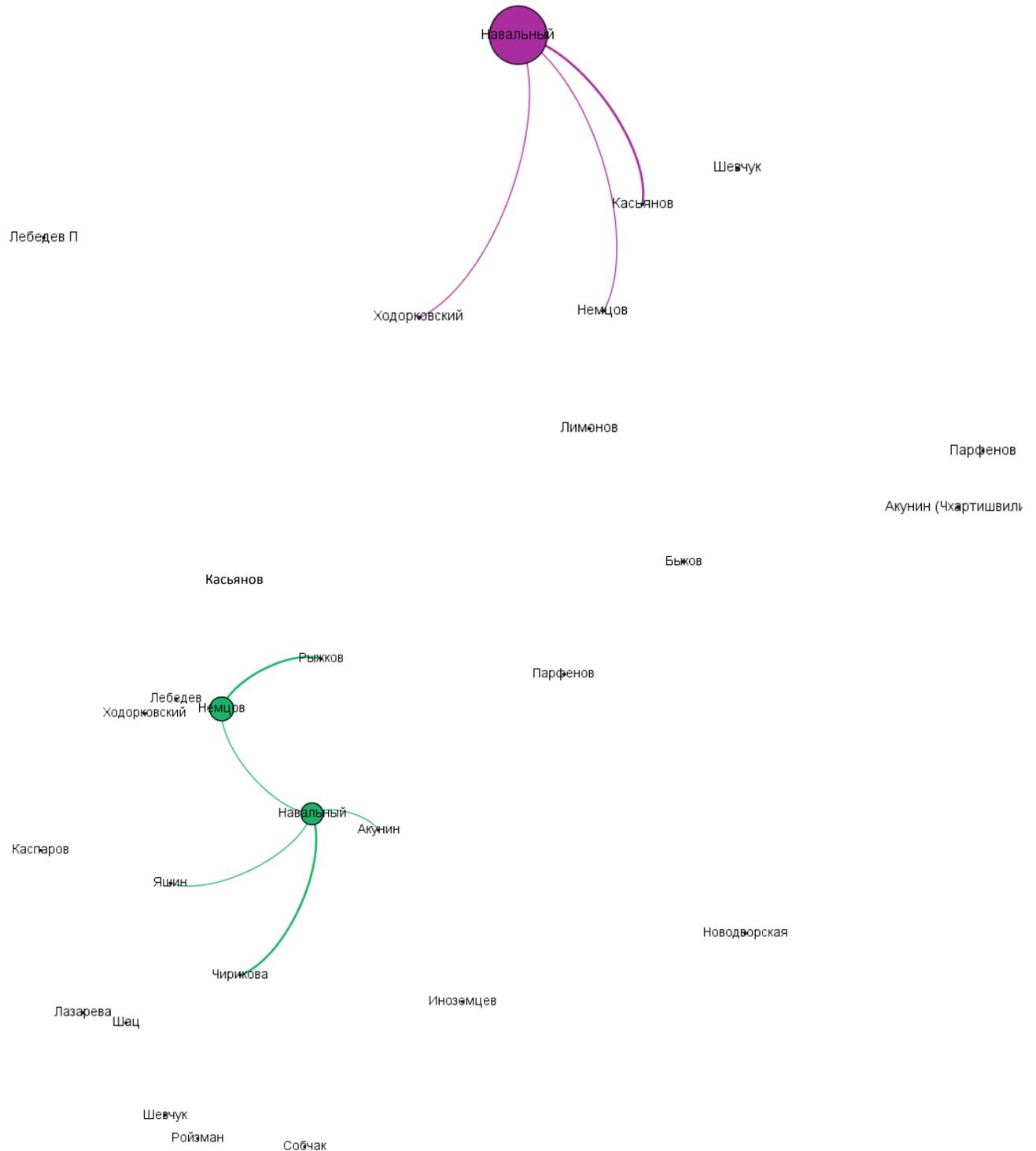
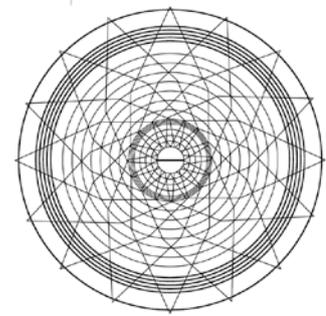
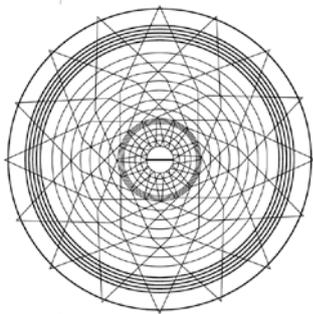

Рисунок 3. Граф социальной сети «Несистемная оппозиция» в первой и второй волне

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

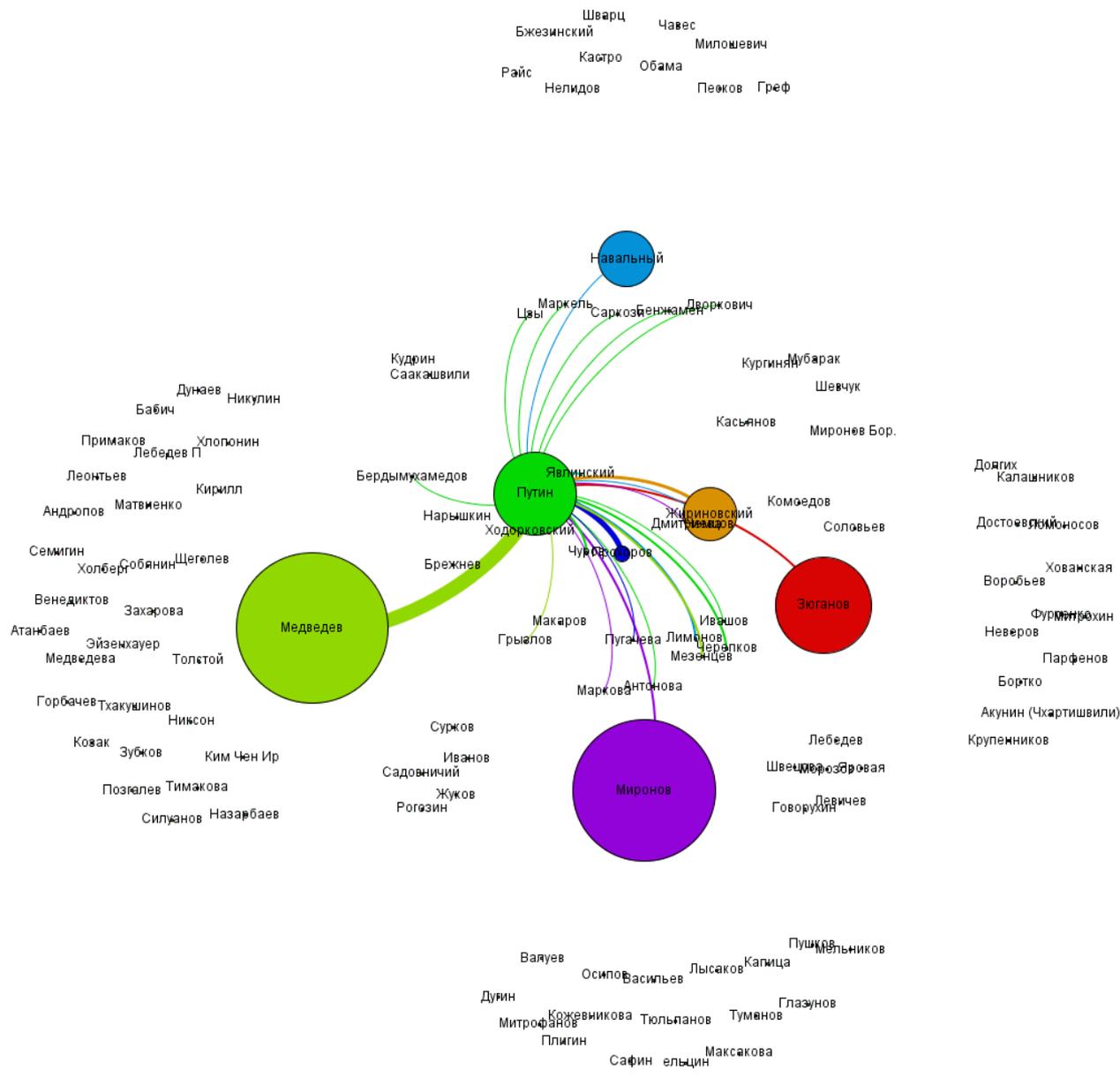

Рисунок 11. (Волна 1) Сетевой граф сети Владимира Путина в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

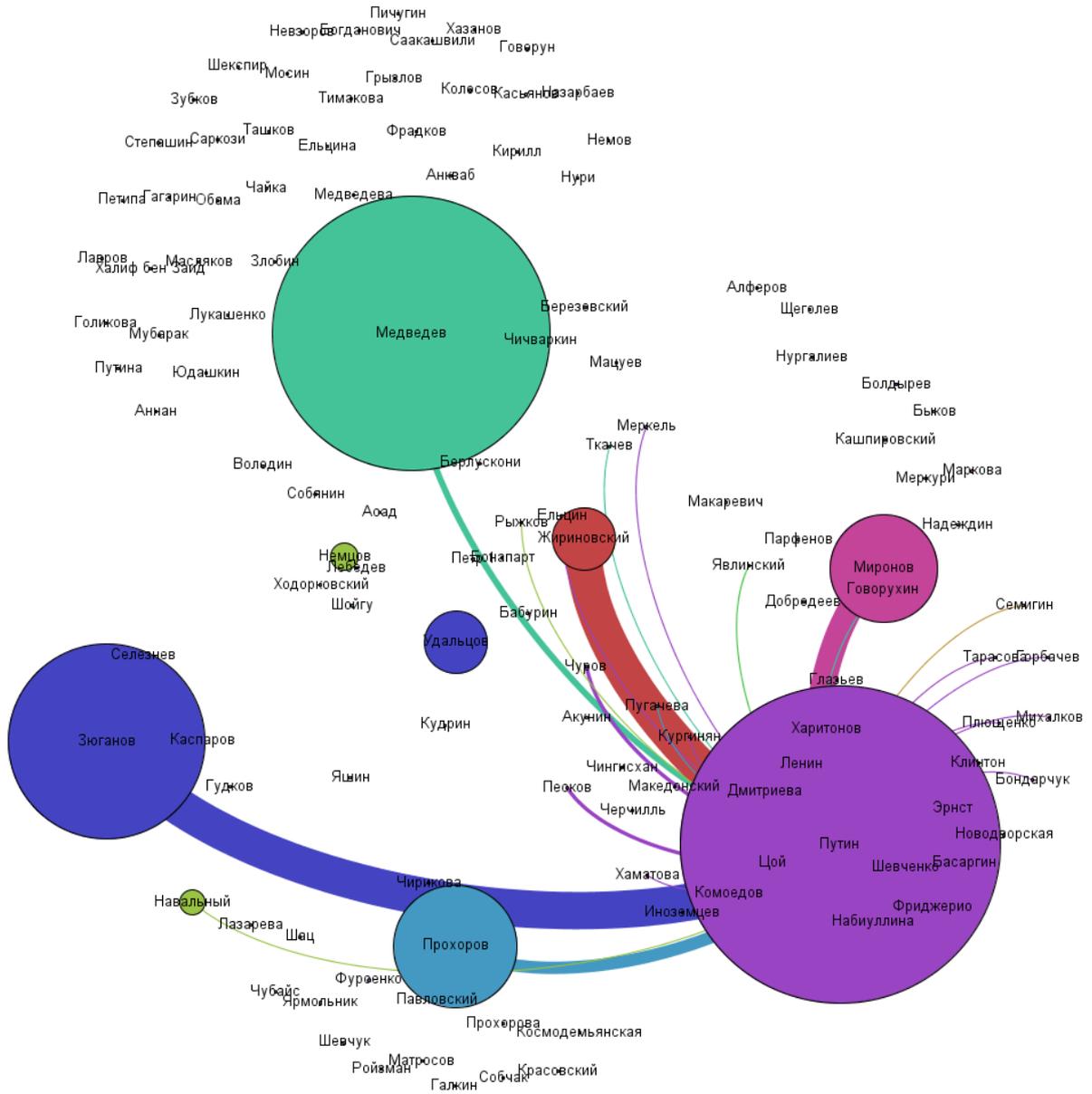
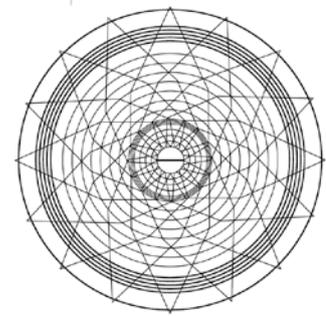
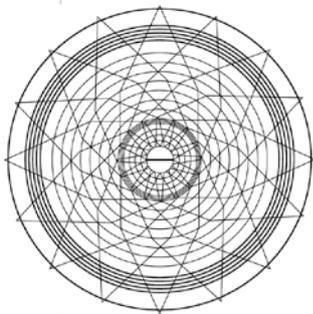

Рисунок 114. (Волна 2) Сетевой граф сети Владимира Путина в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

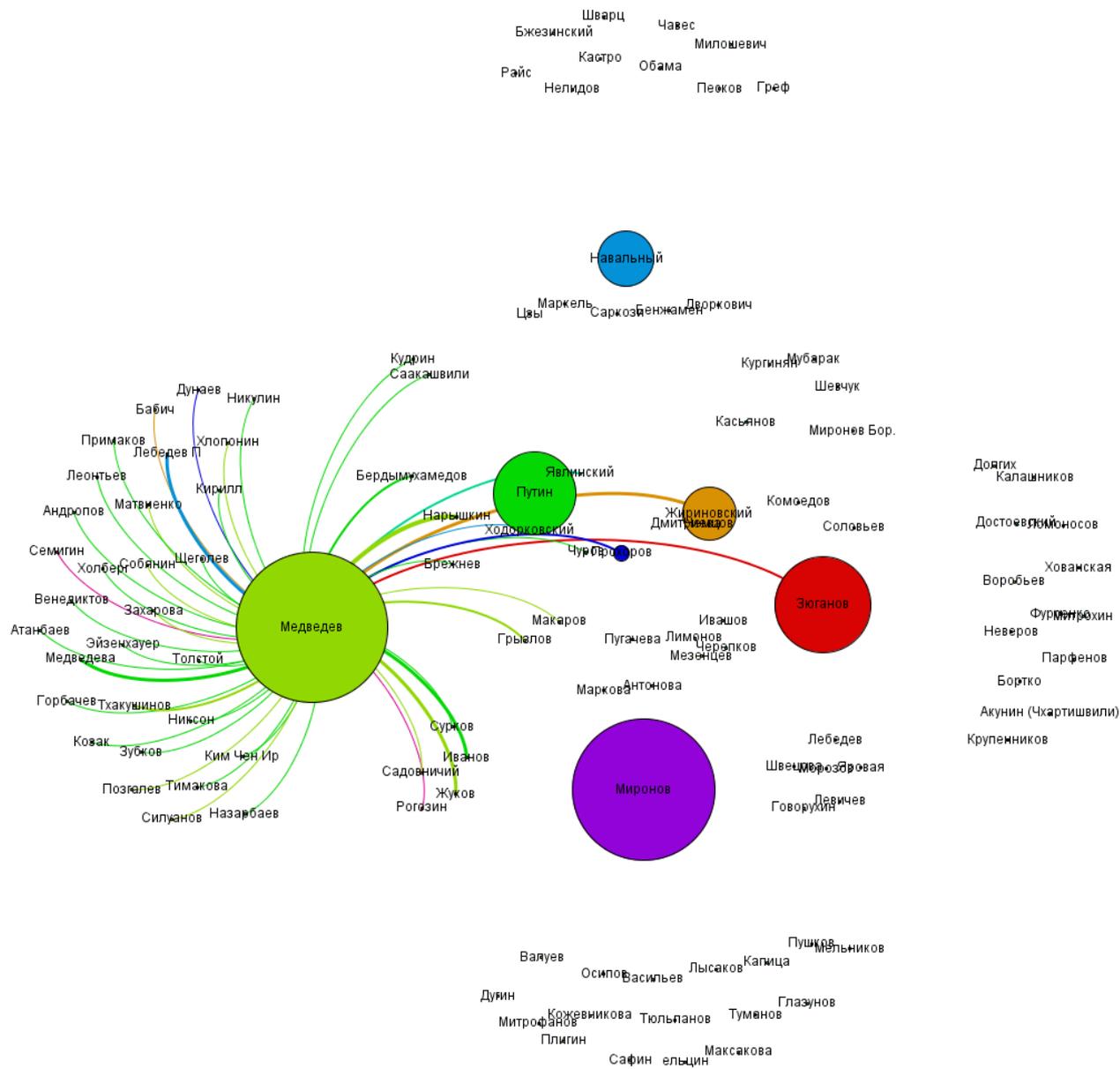

Рисунок 5. (Волна 1) Сетевой граф сети Дмитрия Медведева в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

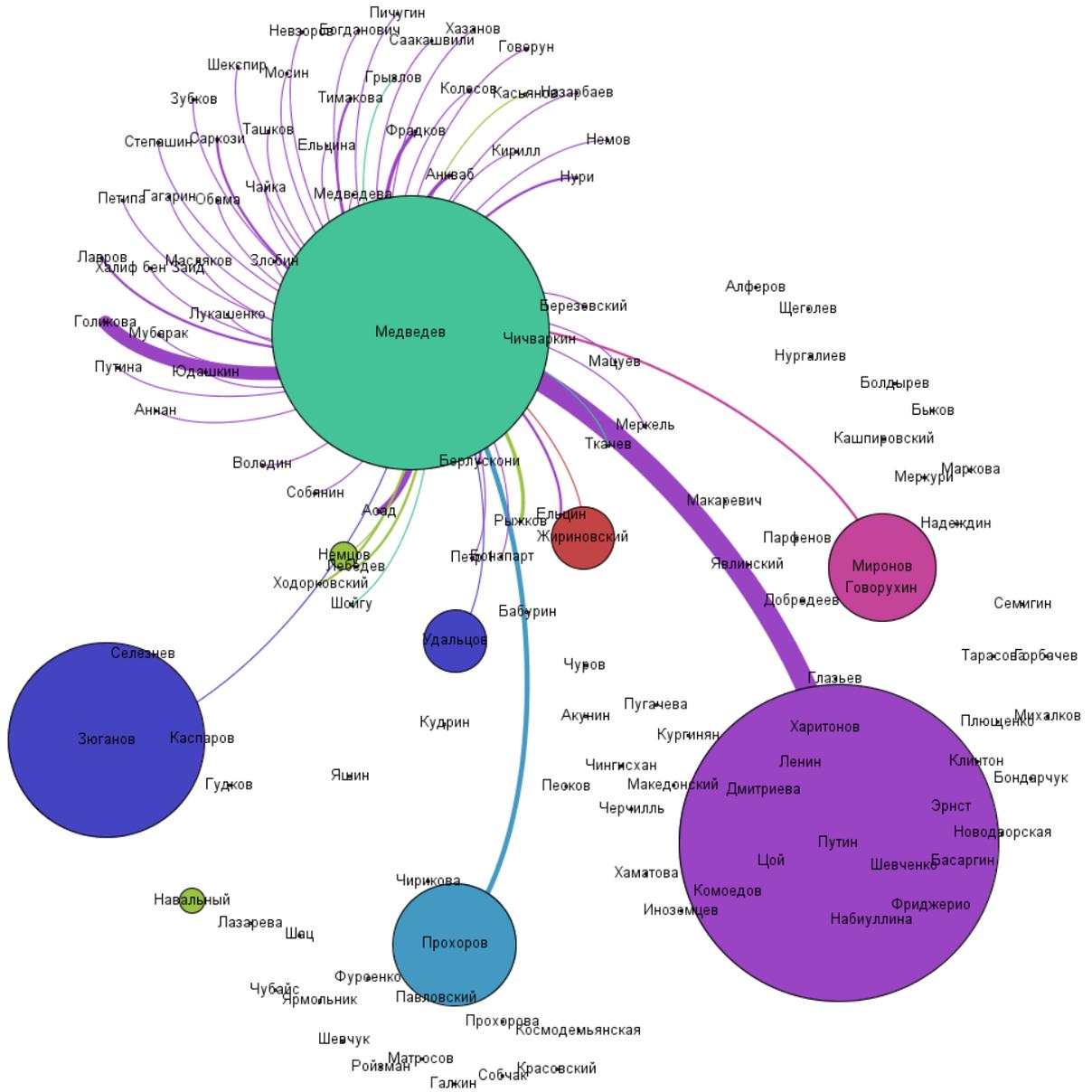
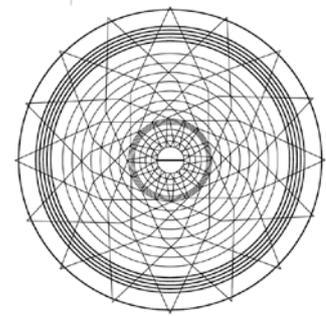
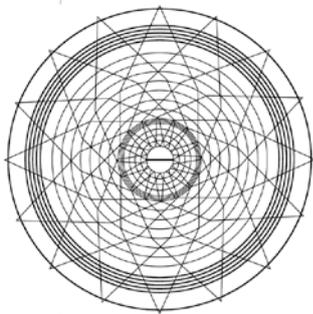

Рисунок 6. (Волна 2) Сетевой граф сети Дмитрия Медведева в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

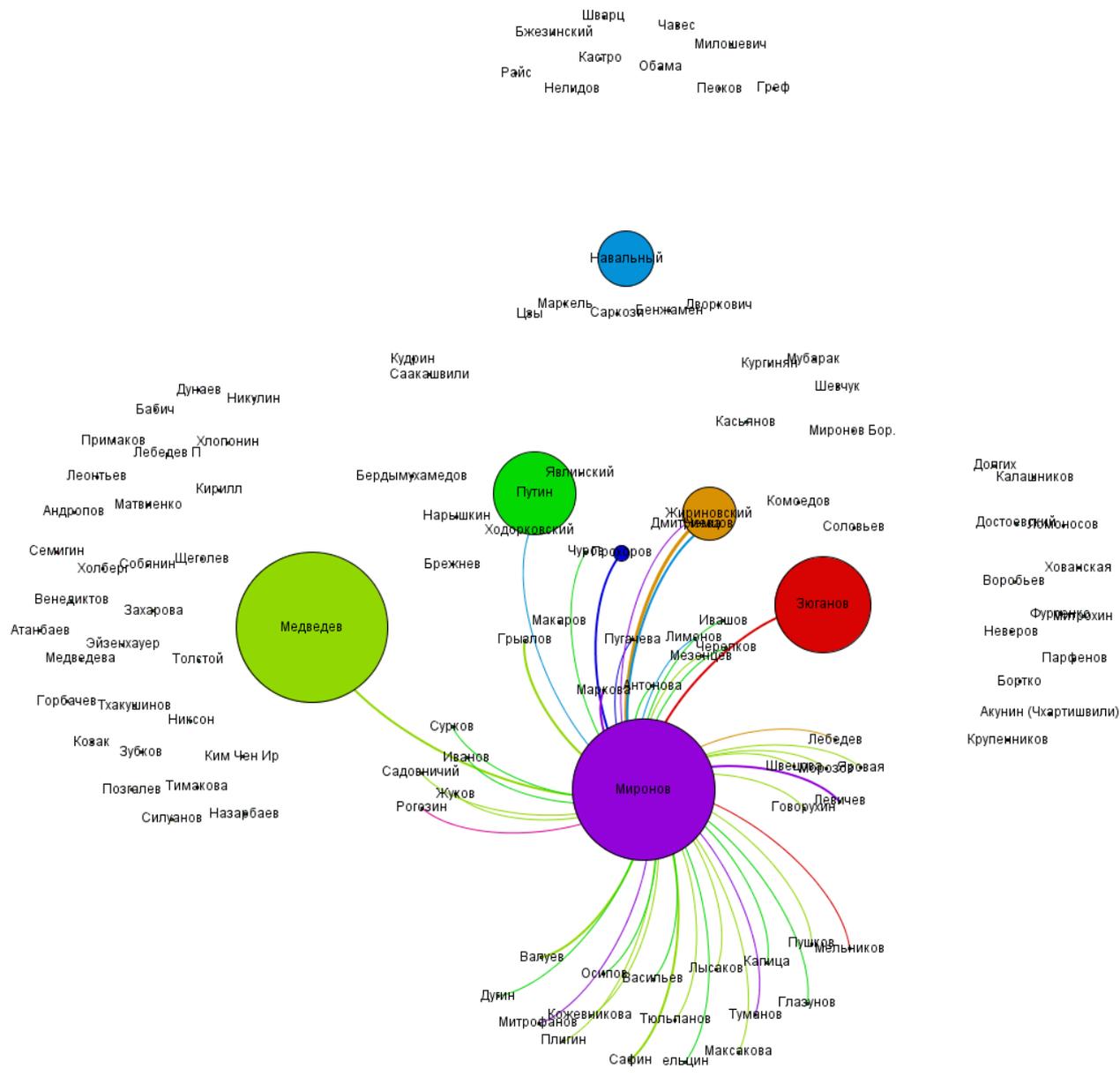

Рисунок 7. (Волна 1) Сетевой граф сети Сергея Миронова в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

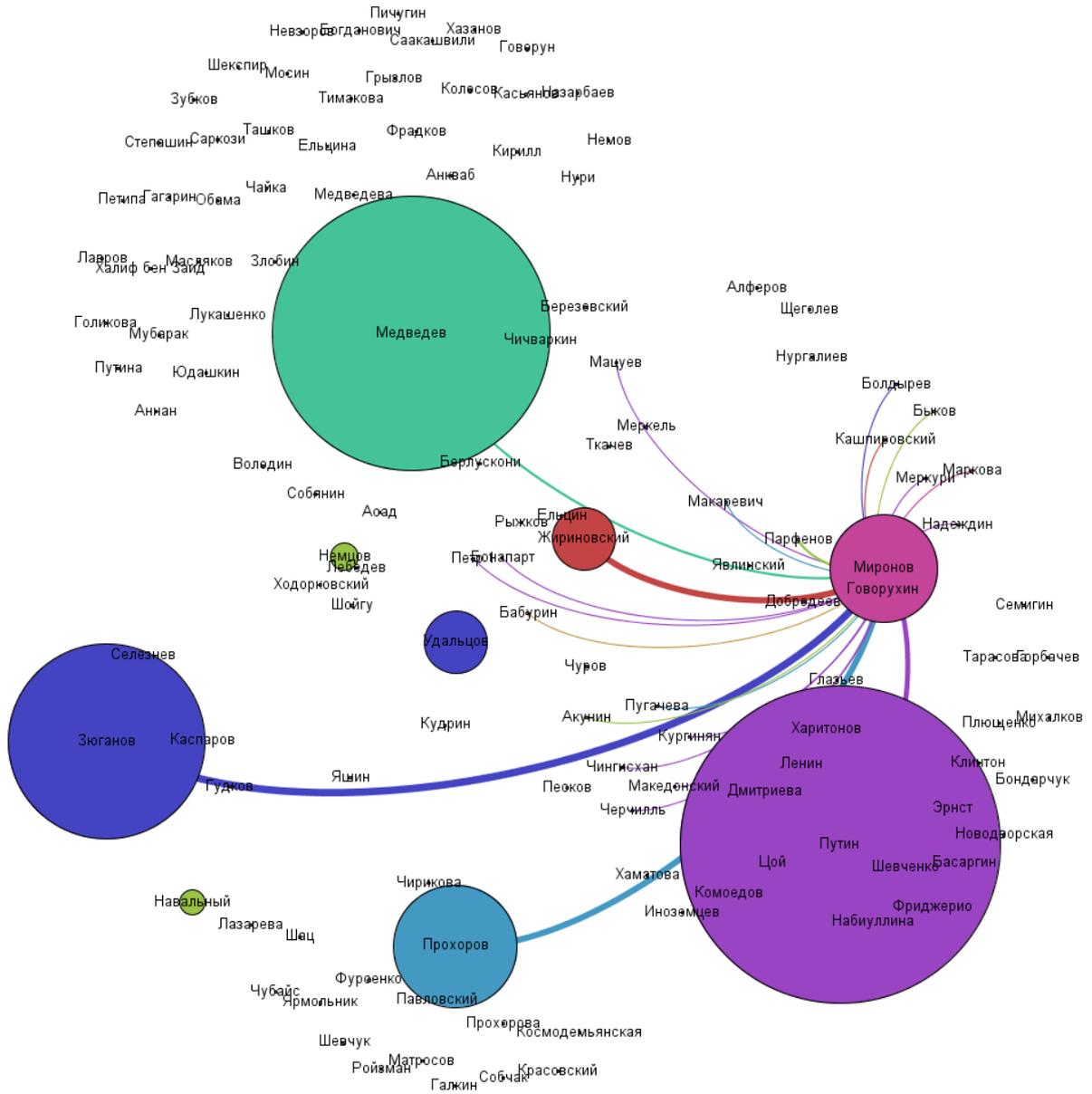
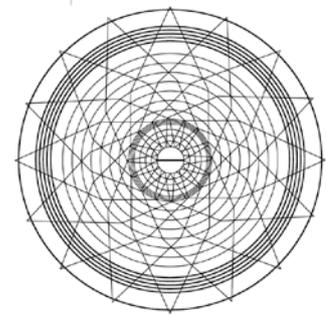
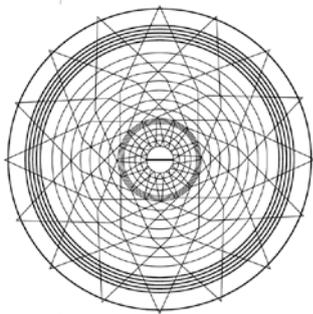

Рисунок 8. (Волна 2) Сетевой граф сети Сергея Миронова в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

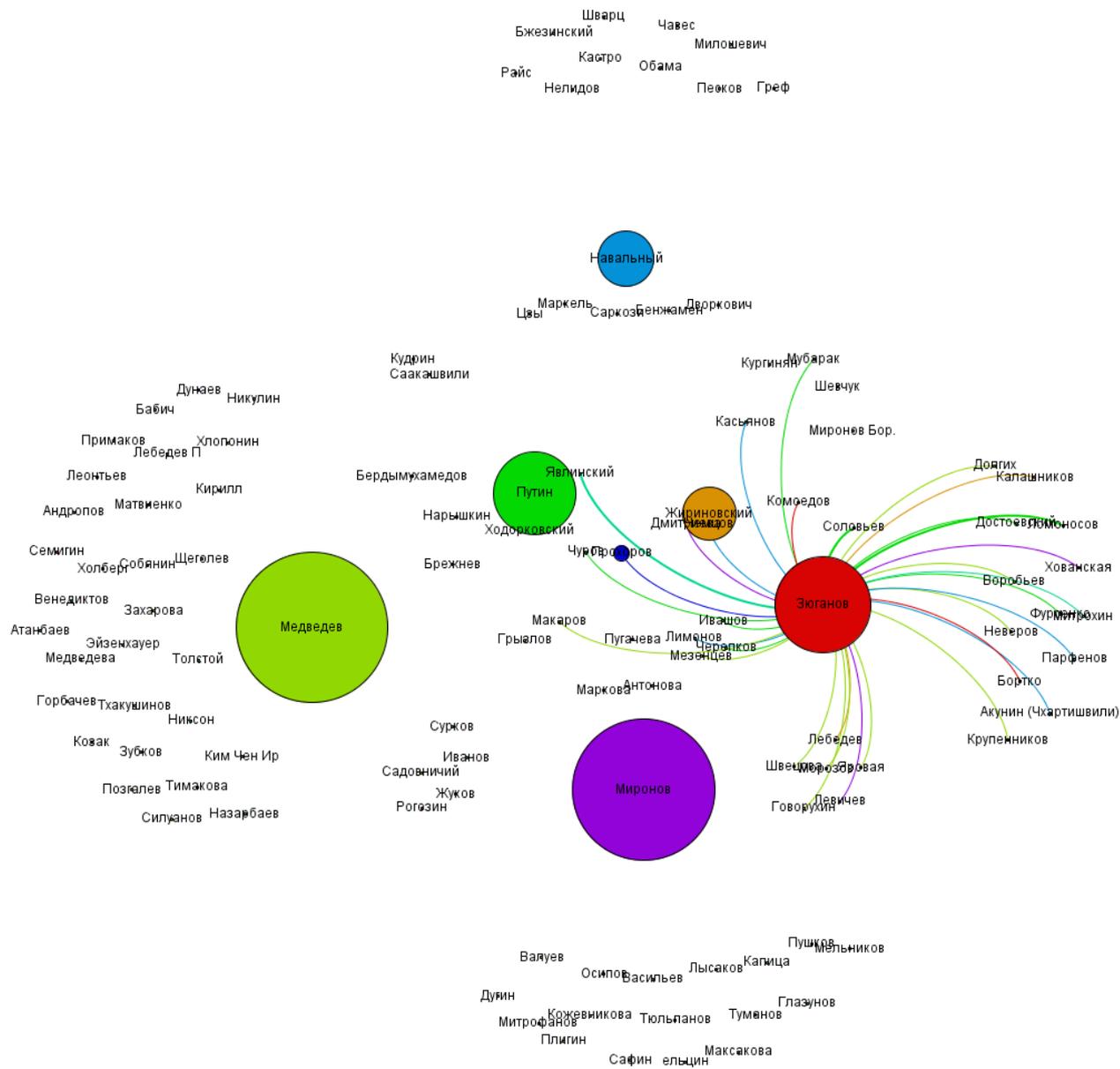

Рисунок 9. (Волна 1) Сетевой граф сети Геннадия Зюганова в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

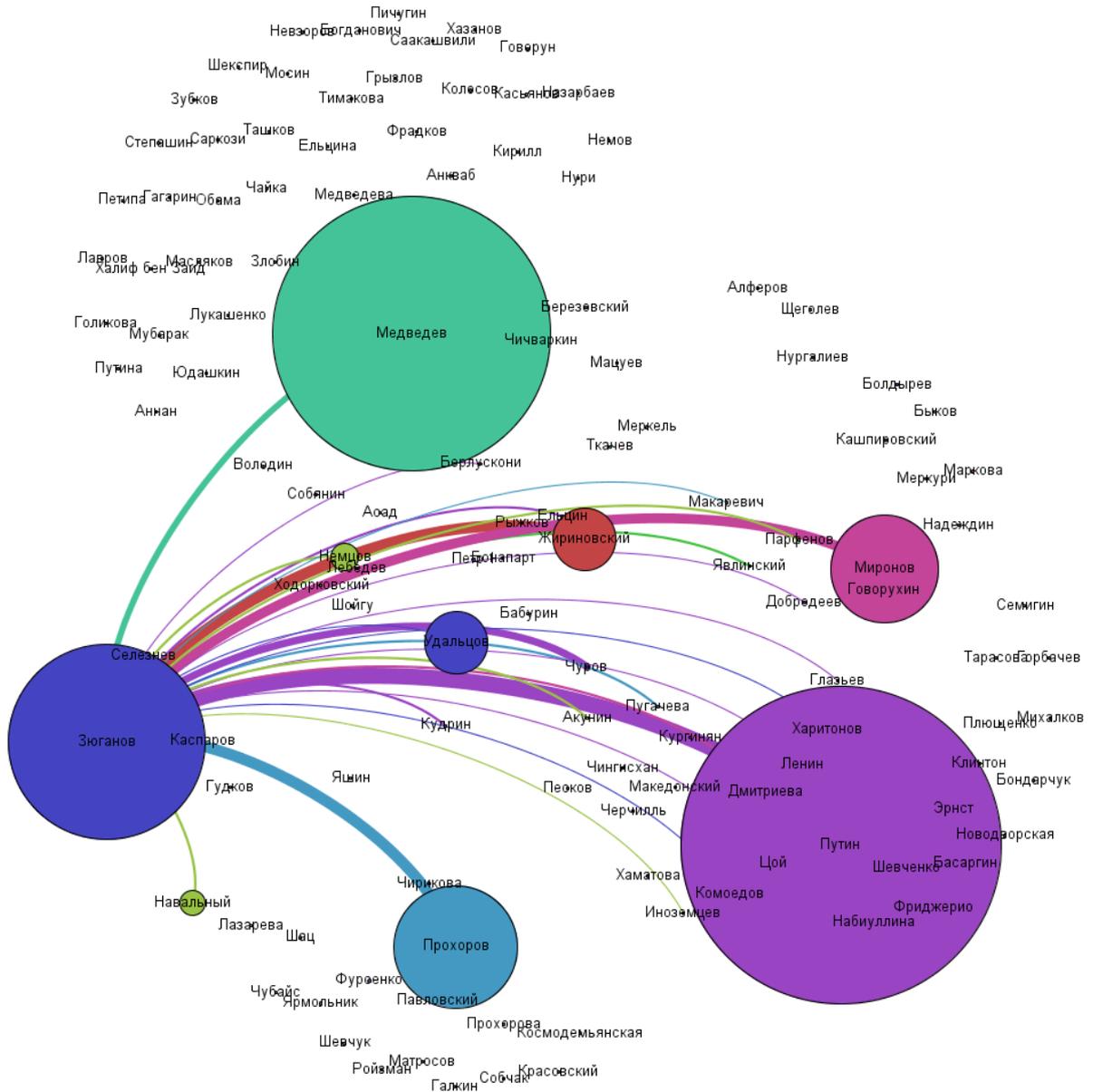
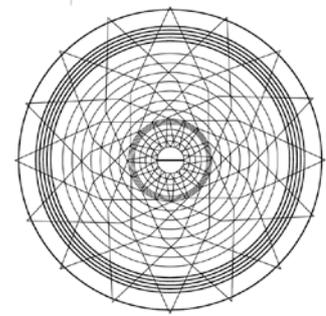
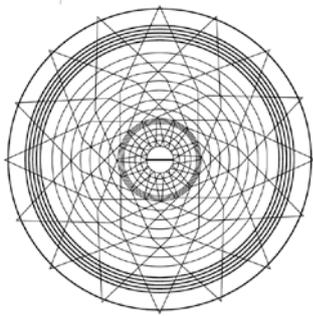

Рисунок 10. (Волна 2) Сетевой граф сети Геннадия Зюганова в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

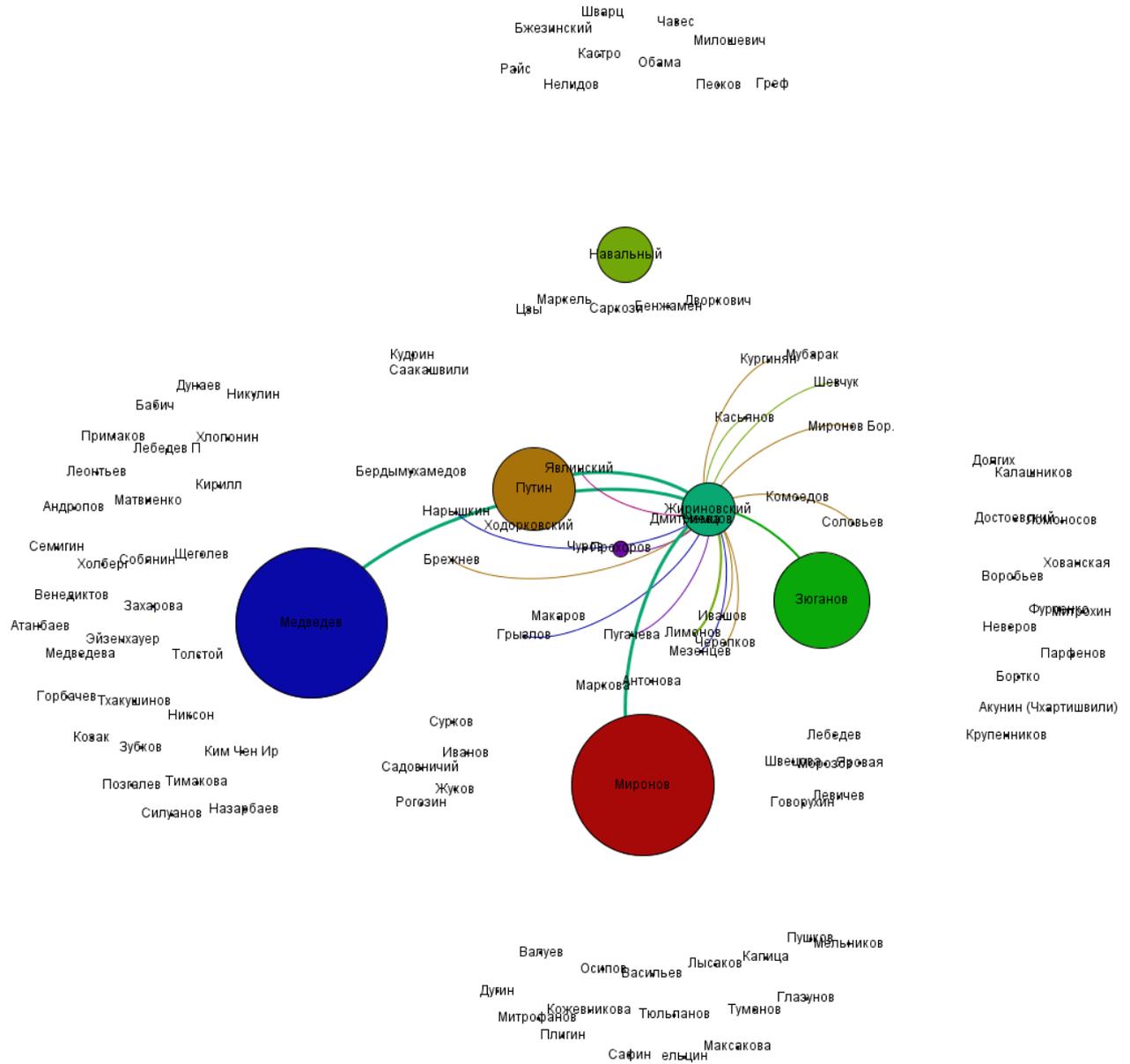
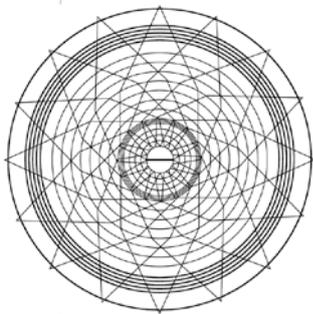

Рисунок 15. (Волна 1) Сетевой граф сети Владимира Жириновского в первой и второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

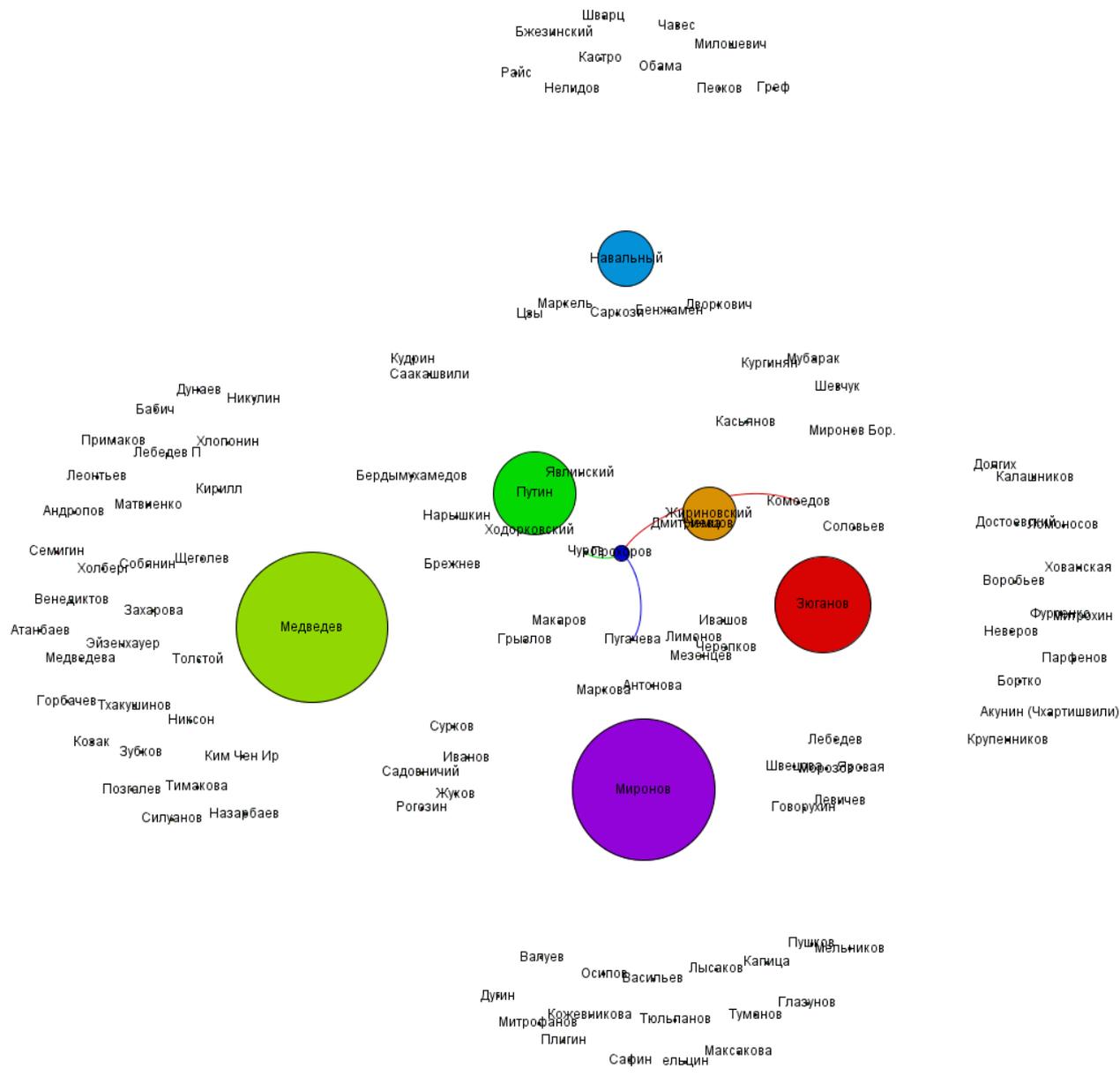

Рисунок 11. (Волна 1) Сетевой граф сети Михаила Прохорова в первой и во второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

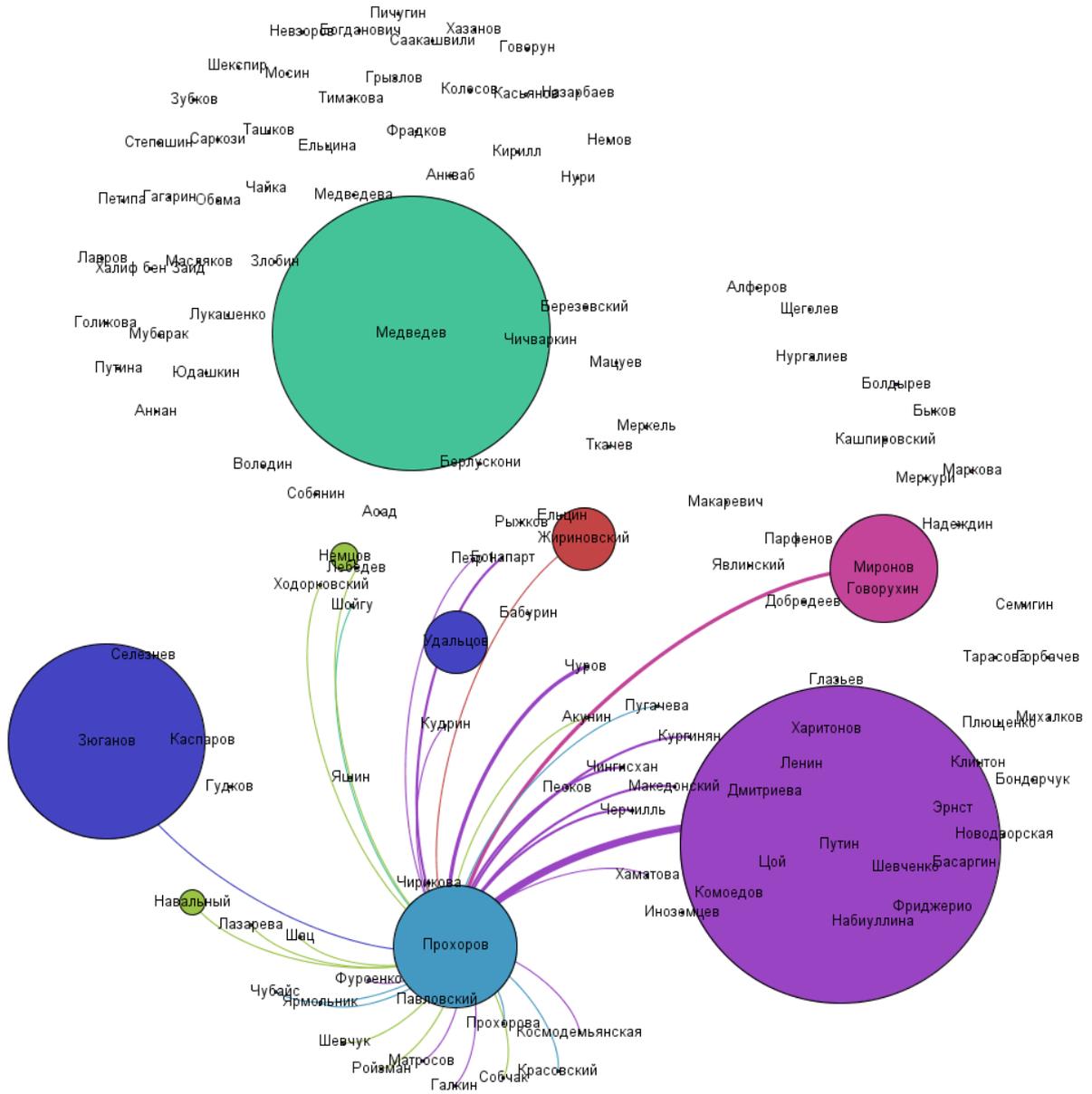
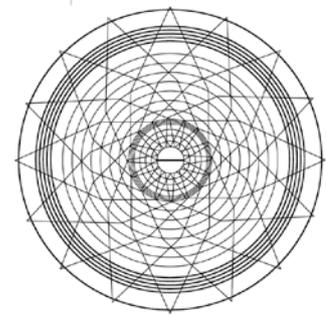
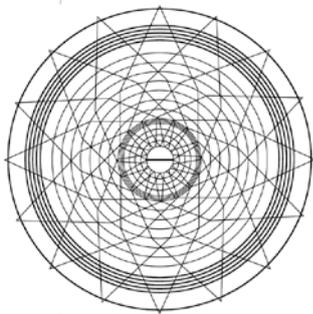

Рисунок 16. (Волна 2) Сетевой граф сети Михаила Прохорова в первой и во второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

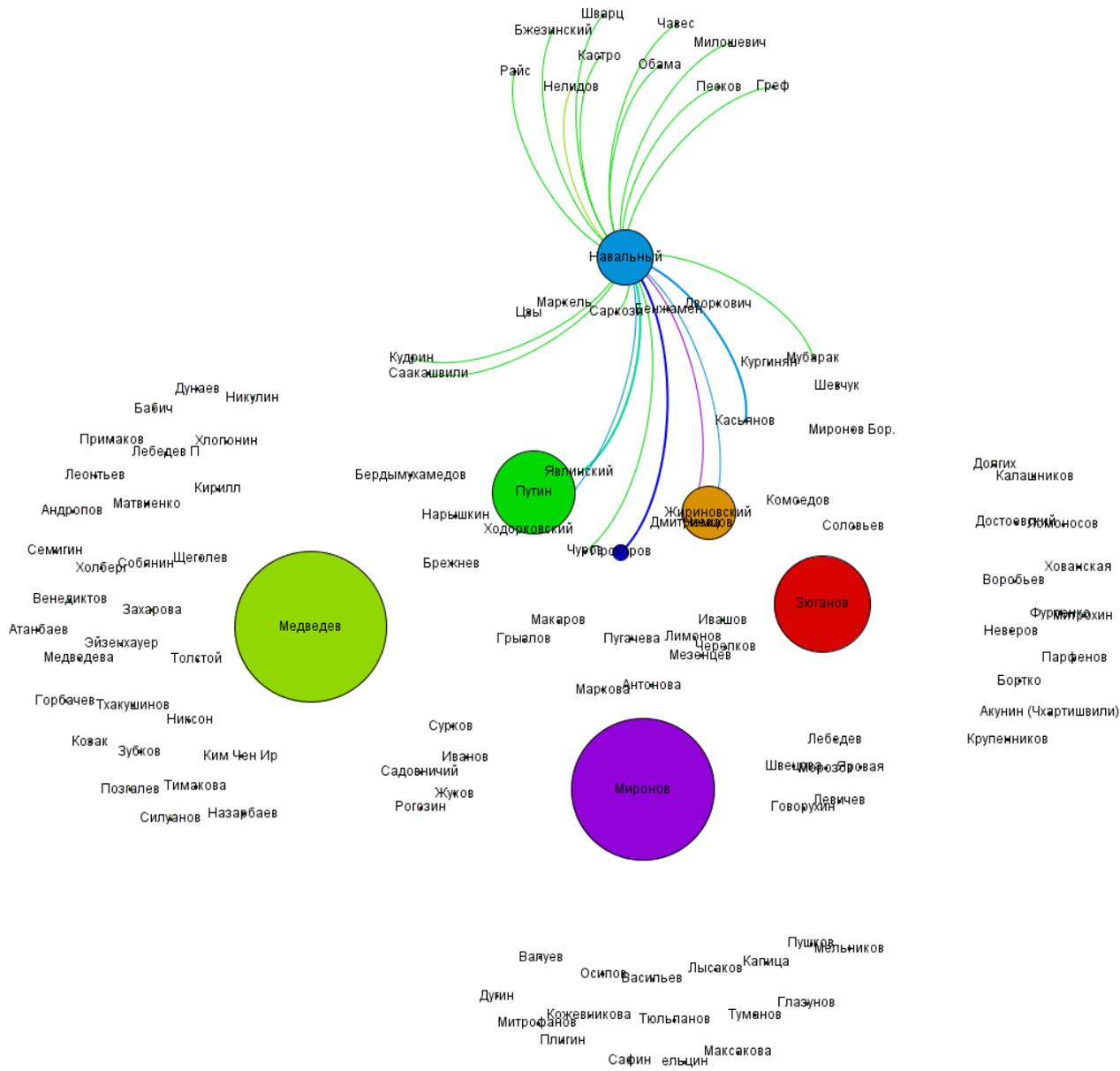

Рисунок 17. (Волна 1) Граф социальной сети Навального в первой и во второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

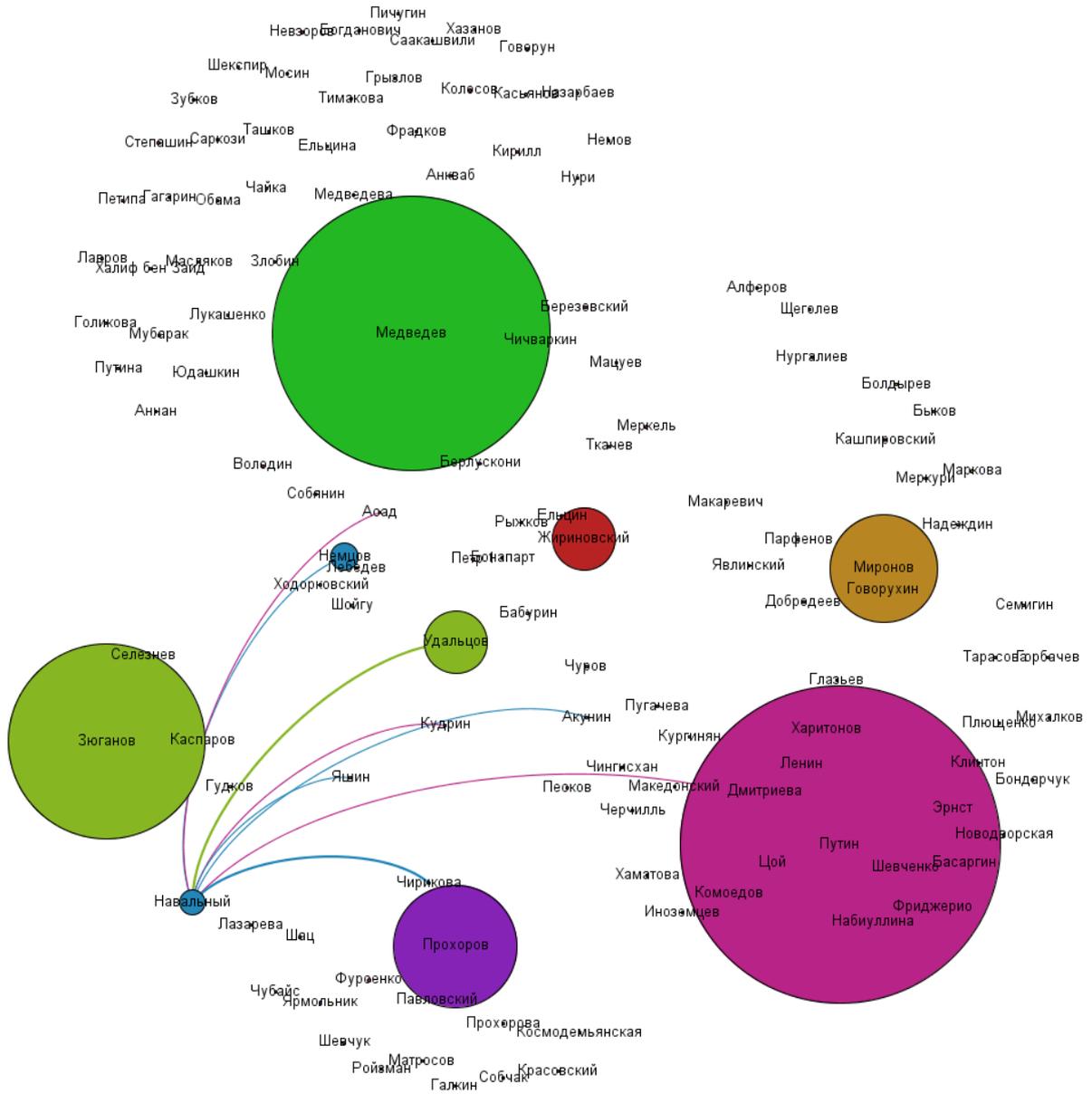
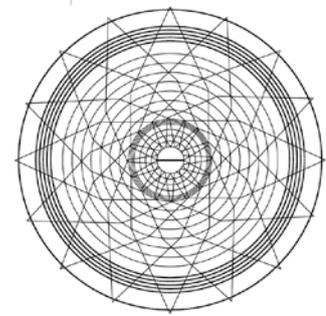
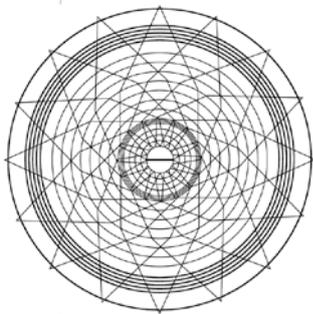

Рисунок 17. (Волна 2) Граф социальной сети Навального в первой и во второй волнах

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

*Политические консенсусы/диссенсусы
в российском телевизионном информационном дискурсе*

POLITICAL CONSENSUS/DISSENSUS AT INFORMATIONAL DISCOURSE OF RUSSIAN TELEVISION

Kiriya I.

Ph.D., Professor, School of media, Faculty of
Communications, Media and Design, Higher School of
Economics

ikiria@hse.ru

Logunova O.

Ph.D., Professor, School of media, Faculty of
Communications, Media and Design, Higher School of
Economics

ologunova@hse.ru

Abstract:

The article analyses the specific connections between the political powers at television news during the protest movements in Russia in 2011-2012. This research can show the nuances of representation of political powers by news television and explains how this representation might provoke the radicalization of consensuses and dissensuses between them.

Keywords: Russian television, elections in Russia, news, political powers, political protests, representation of protests

REFERENCES

Kiriya, I. (2013). Sotsial'nye media kak instrument politicheskoy izolyatsii v Rossii. V A. G. Kachkaeva (Red.), *Smeyushchayasya Nerevoluytsiya: Dvizheniya protesta i media (mify, yazyk, simvoly)* (str. 12-25). Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".

Van Deyk, T. (2013). *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke kommunikatsii*. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".

Ribylovskiy, V. (2006). Vlast' i SMI v pravlenie Putina. Khronika. V A. Verkhovskiy (Red.), *Demokratiya vertikali* (str. 68-103). Moscow: Tsentr "Sova".

Dal', R. A. (2010). *Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya*. Moscow: National Research University Higher School of Economics.

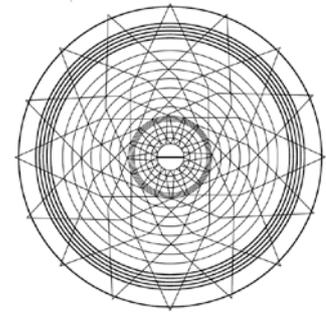
Hallin, D., & Mancini, P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

[Научные Статьи]

Кирия И.В., Логунова О.С.

Политические консенсусы/диссенсусы

в российском телевизионном информационном дискурсе

Kiriya, I. (2012). Les réseaux sociaux comme outil d'isolation politique en Russie. *ESSACHESS - Journal of communication studies*, 5, 193-208.

Kiriya, I. (2012). The Culture of Subversion and Russian Media Landscape. *International Journal of Communication*, 6.

Koltsova, O. (2006). *News media and power in Russia*. London: Routledge.

Latour, B. (2005). *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. New York: Oxford University Press.

McChesney, R. (2000). *Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times*. New York: The New Press.

McCombs, M., & Shaw, D. (1972). THE Agenda-Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 36 (2), 176-187.

Noelle-Neumann, E. (1984). *The spiral of silence: Public opinion – our social skin*. Chicago: The University of Chicago Press. Chicago: Chicago University Press.

Shoemaker, P. (1991). *Gatekeeping*. Newbury Park: Sage.